

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет
историко-филологический

Кафедра
«Литература и методика преподавания
литературы»

Направление подготовки

44.04.01 «Педагогическое образование»

Магистерская программа

«Литературное образование»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему

**Место и роль романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности»
в освоении понятия «личность и эпоха» в старших классах**

Обучающийся _____ Мишакина Мария Алексеевна

Научный руководитель _____ Тимакова А. А.

Нормоконтролёр _____ Ключарёва И. С.

Рецензент _____ Петрунина О.А.

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № ____)

И. о. заведующего кафедрой _____ Тимакова А. А.

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № ____)

Секретарь ГЭК _____ Ключарёва И. С.

Пенза 2019

Содержание

Введение	3
Глава I. Конститутивные признаки филологического романа	11
1.1. Особенности содержания филологического романа	11
1.2. Жанрообразующие характеристики	16
Выводы по главе	23
Глава II. Роман А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» в истории русской словесности: традиции и новаторство	27
2.1. Идеино-художественные особенности произведения «Довлатов и окрестности»	27
2.2. Образ героя и образ автора в контексте эпохи	37
Выводы по главе	48
Глава III. Методика освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах (на примере романа А. А. Гениса)	53
3.1. Из опыта работы над понятием «личность и эпоха» в старших классах	53
3.2. Произведения С. Довлатова в школьном изучении	58
3.3. Методическое решение урока по освоению понятия «личность и эпоха» на материале романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности»	63
Выводы по главе	72
Заключение	74
Библиографический список	77
Приложения	86

Введение

«Довлатов и окрестности» – филологический роман литературоведа, журналиста и радиоведущего А. А. Гениса о жизни и личности Сергея Довлатова, поэтике и эстетике его прозы. В своей книге он объединяет образ писателя и журналиста Довлатова с образом автора-повествователя в его текстах, факты биографии переплетаются с анализом лучших его произведений. Центральная тема романа – исповедь последнего советского поколения, голосом которого Генис считает Довлатова. А сам Генис является в своём романе не только автором-повествователем, но и героем. Он – журналист Александр Генис, представитель той же третьей волны эмиграции, сотрудник «Нового американца» и участник большинства историй, о которых идёт речь в книге. В ней 18 глав, каждая из которых касается определённой грани личности и таланта Сергея Донатовича Довлатова, общества и реальности, в которой он жил и работал. Следует также отметить, что в романе созданы наброски портретов Иосифа Бродского, Александра Солженицына, Андрея Синявского, Эдуарда Лимонова, Венедикта Ерофеева, художника Вагрича Бахчаняна и других знаковых личностей русской культуры того времени. Таким образом, воссоздаётся культурный ландшафт 1970-х – 1990-х годов, те самые «окрестности», в которых существовали и формировались Сергей Довлатов и Александр Генис.

Гипотеза. Изучение романа А. Гениса «Довлатов и окрестности» может быть целесообразным для успешного освоения понятия «личность и эпоха» на занятиях о жизни и творчестве Сергея Довлатова в старших классах.

Вопрос о том, что такое личность, является предметом философии, социологии, психологии, педагогики и других гуманитарных наук. Каждая из них опирается на определённое решение, обусловленное, прежде всего, спецификой самой науки. Однако всегда в основе этого подхода лежит определение, данное философией. Во всяком философском источнике в тех или иных выражениях личность определяется как социализированный индивид. Термин «социализированный» трактуется в зависимости от мировоззренческой

ориентации. В общем же смысле идея состоит в том, что человек появляется как индивид, биологическое существо, которое в процессе социализации наполняется гуманистическим содержанием, духом эпохи и, самое главное, становится не только носителем, но и творцом социального, то есть становится личностью.

Понятие «эпоха» в данной работе трактуется в самом широком смысле, как качественный период развития человечества, включающий в себя ментальность, мировоззрение, отношение к религии, нравы, законы, кодекс поведения, экономическую и политическую организацию и, наконец, как метафора определённого типа личности, характерного для какого-либо периода истории.

В соответствии с концепциями выдающихся психологов XX века Бориса Герасимовича Ананьева [2] и Эрика Эриксона [82], жизненный путь человека рассматривается как пространство взаимодействия личности и эпохи. В общем виде идея состоит в том, что психологические изменения структуры личности в ходе её индивидуального развития нельзя представить вне категории исторического времени. В этой связи обращение нами к социокультурному контексту формирования личности автора и её отражению в художественном произведении представляется нам продуктивным.

Актуальность темы исследования обусловлена «усилением» позиций литературы «нон-фикшн» в современном литературном процессе в связи с нарастающим интересом к личности реального человека, общими тенденциями в развитии современного литературоведения, проявляющего интерес к синтетическим жанрам, к которым относится и филологический роман, а также соответствующими тенденциями в сфере образования. Эксперты по продвижению чтения в подростковой среде всё чаще говорят о необходимости учить школьников читать литературу «нон-фикшн».

Цель исследования: определить место и роль филологического романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» в освоении понятия «личность и эпоха» в старших классах.

Объект исследования: опыт работы над понятием «личность и эпоха» в старших классах. **Предмет:** филологический роман А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» как материал для освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах.

Цель обусловила необходимость решения ряда **задач**:

1. определить конститутивные признаки жанра филологического романа;
2. проанализировать идейно-художественные особенности романа А.А. Гениса «Довлатов и окрестности»;
3. обозначить место данного романа в истории русской словесности (традиции и новаторство);
4. исследовать и обобщить литературу об уже имеющемся опыте работы над понятием «личность и эпоха» в старших классах, а также методике проведения уроков по жизни и творчеству С. Д. Довлатова;
5. разработать уроки по творчеству С. Д. Довлатова, направленные на освоение понятия «личность и эпоха» на материале романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности».

Научная новизна темы магистерской диссертации обусловлена обращением к филологическому роману как основе для формирования понятия «личность и эпоха» в старших классах.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) вопреки сложившейся в литературоведении традиции, филологический роман следует рассматривать в рамках литературы нон-фикшн, а не как разновидность постмодернистского метаромана;
- 2) основополагающей для жанра филологического романа является категория исторического времени и отношения «личность-эпоха» – анализ образа главного героя проводится с учётом исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути;
- 3) филологический роман А. Гениса «Довлатов и окрестности» с его исповедью последнего советского поколения голосом С. Д. Довлатова

целесообразно рекомендовать для освоения понятия «личность и эпоха» на уроках о жизни и творчестве С. Д. Довлатова в 11 классе.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в выделении и систематизации конститутивных признаков жанра филологического романа. Ее **практическая ценность** – в разработке уроков по творчеству С.Д. Довлатова, направленных на освоение понятия «личность и эпоха» на материале романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности».

Для реализации поставленных задач используются следующие **методы**: герменевтический, культурно-исторический, биографический.

Историография исследуемой проблемы:

Работа предполагает анализ большого количества источников по проблеме особенностей жанра филологического романа. В нашем случае их следует разделить на четыре группы: статьи, монографии и авторефераты диссертаций, посвящённые филологической прозе; статьи самого Александра Гениса, посвящённые жанру филологического романа; рецензии и научные статьи, посвящённые непосредственно книге А. А. Гениса «Довлатов и окрестности»; произведения интересующего нас жанра или жанрово не определявшиеся авторами как филологический роман, но впоследствии рассматривавшиеся исследователями в этом ключе.

Осмысление своеобразия филологического романа шло на протяжении всего XX века и продолжается до сей поры. К первой группе относятся работы доктора филологических наук В. И. Новикова, И. М. Степановой, Н. А. Петровой, А. О. Разумовой, Ю. Карабчиевского. Отдельно стоит отметить монографию кандидата филологических наук, преподавателя Московского гуманитарного педагогического университета Ольги Ладохиной «Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века?». Примечательно, что эту учёную степень она получила именно за защиту диссертации «Филологический роман как явление историко-литературного процесса XX века». Монография же была издана в 2010 году и обобщила весь имеющийся на тот момент опыт изучения особенностей филологической прозы

и её жанровой специфики. Несомненным достоинством книги Ольги Ладохиной является широта и разнообразие привлечённого к анализу литературного материала – чуть менее 200 источников, среди которых не только литературоведческие монографии, исследования и статьи, но и непосредственно образцы филологической прозы. Автор прослеживает процесс зарождения и эволюции жанра в пространстве русской литературы XX века, начиная с имён В. Розанова, Ю. Тынянова, В. Каверина, О. Форш, В. Шкловского, К. Вагинова, В. Набокова, в структуре произведений которых намеренно раскрывались секреты творческой лаборатории писателя задолго до появления термина «филологический роман». Результатом проведённого исследования становится определение ряда критериев, по которым произведение можно отнести к жанру филологического романа: «а) главный герой романа – филолог, творческая личность, креативными возможностями которого являются непосредственный взгляд на мир, внутренняя свобода, стремление постичь иррациональную тайну творчества и источников вдохновения; б) автор филологического романа выступает сразу в трёх ипостасях: как писатель, литературовед и культуролог; его мышление отличает «филологические припоминания»: он использует многочисленные интертекстуальные отсылки к произведениям русской и мировой литературы; намеренное введение автором литературоведческих, литературно-философских, культурологических вставок способствует усилению иллюзии невыдуманности основного текста, глубины художественного исследования интеллектуально-культурной жизни общества описываемой эпохи; в) писатели сознательно обнажают литературные приемы (например, игры), раскрывают секреты творческой лаборатории художника, создают атмосферу импровизации, вводят в текст культурные коды и знаки; г) игровое, подчас пародийное начало в переосмыслении характерных для классической литературы сюжетов, мотивов, типов героев филологического романа позволяет раздвинуть границы произведения, а использование набора художественных приёмов позволяет

создать яркие образы, существенно разнообразить эстетическую палитру произведения» [44:148-149].

Однако считать единственно верным данный перечень критериев не стоит, так как ни сам текст филологического романа А. Гениса «Довлатов и окрестности», ни данные писателем в посвящённых этому жанру статьях характеристики не соответствуют в полной мере теоретическим выкладкам Ладохиной. А. С. Пушкин сказал, что писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Поэтому мы в своих рассуждениях о жанре филологического романа будем опираться, прежде всего, на высказывания по этому поводу самого Александра Гениса. Ибо, в конечном счёте, специфика этого жанра интересна нам постольку, поскольку мы говорим в своей работе о месте и роли романа «Довлатов и окрестности» в освоении понятия «личность и эпоха» в старших классах. Признанный мастер non-fiction предлагает рассматривать филологический роман именно в границах этой *документальной литературы*. Важно, что основную её задачу он видит именно в отражении духа времени. В первую очередь, мы рассматриваем его статью «Фотография души. В окрестностях филологического романа».

К третьей группе источников относятся статьи Байбатыровой Н. М., Ефимова И., Липовецкого М., Лосева Л. В., Потапова И. и др.

К последней группе относят: «Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза» (1923) В. Шкловского, «Роман без вранья» (1926) А. Мариенгофа, «Воскресение Маяковского» (впервые опубликовано в России в 1990 г.) Ю. Карабчиевского, «Прогулки с Пушкиным» (1975) Абрама Терца (Андрея Синявского), а также «Пушкинский дом» А. Битова (роман написан в 1964-1971 годах, опубликован в 1987 году), публикация Н. Брагинской отрывков из дневников О. Фрейденберг (1991), «Роман с языком, или Сентиментальный дискурс» (2001) В. И. Новикова, романы Юрия Тынянова.

В этом же контексте рассмотрим другие книги, посвящённые личности Сергея Довлатова: «литературно-эмигрантский роман» Михаила Веллера

«Ножик Серёжи Довлатова», книгу Аси Пекуровской «Когда случилось петь С.Д. и мне» и биографию из серии «ЖЗЛ», написанную Валерием Поповым.

Так же нам необходимо проанализировать источники, трактующие понятия «личность и эпоха». Мы рассматриваем труды выдающихся советских психологов Б. Г. Ананьева (в частности «Человек как предмет познания») и С. Л. Рубинштейна, российских психологов А. Г. Асмолова и А. А. Реана, немецкого психолога Э. Эриксона.

Для написания методической главы следует проанализировать рекомендации по изучению в школе понятия «личность и эпоха». Его освоение возможно как на основе монографических уроков о жизни и творчестве того или иного писателя, так и на основе литературного образа, за счёт вчитывания в текст художественного произведения. Мы обратились к методическим рекомендациям под редакцией В. Г. Маранцмана и учебнику по методике преподавания литературы под редакцией О. Ю. Богдановой.

Также нам необходимо проанализировать опыт изучения в школе творчества С. Д. Довлатова. Правда, его тексты в свои рабочие программы по литературе включают совсем немногие. В программах под редакцией В. Я. Коровиной и В. Ф. Чертова мы этой темы не нашли. В. Г. Маранцман рекомендует рассматривать сборник «Чемодан» в 9 классе на внеклассном чтении. В 11 классе к его творчеству предлагают обратиться составители программы под редакцией доктора филологических наук, профессора И. Н. Сухих. Мы нашли разработку занятия, соответствующую этому плану. Это конспект урока «Русская интеллигенция в испытаниях временем в сборнике рассказов С. Довлатова “Чемодан”», рассчитанного на 2 часа, учителя из Ханты-Мансийского автономного округа – Югра О. В. Хворовой, размещённый на её персональном сайте. Также в поисках публикаций, освещающих опыт проведения школьных уроков, посвящённых Довлатову, мы обратились к журналу «Литература» и в рубрике «Я иду на урок» нашли несколько интересных конспектов. Ещё одну разработку урока с названием «Новый

автобиографизм” Сергея Довлатова» мы отыскиали в методическом пособии Н. В.Егоровой и И. В. Золотарёвой.

Структура работы: работа состоит из введения, основной части (3 главы), заключения, библиографического списка и приложения.

Первая глава работы посвящена опыту изучения жанра филологического романа. Само это словосочетание рождено писательской практикой. Филологические романы сейчас – явление частое, но авторы, что ожидаемо, не уточняют горизонты жанра, не дают ему словарного определения. Однако рабочих определений появилось уже немало. В литературоведении интерес к проблеме возрастает, публикуются всё новые и новые статьи. На основании оных, книги А. Гениса «Довлатов и окрестности» и других «романов без вымысла» нам предстоит определить конститутивные признаки этого жанра.

Вторая глава посвящена месту романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» в истории русской словесности и его идейно-художественному своеобразию. Предполагается выход на понятие «личность и эпоха» относительно романа А. А. Гениса. Здесь мы будем говорить об авторе и его герое Сергее Довлатове как представителях последнего советского поколения и эмигрантах третьей волны.

Третья глава – методическая. Содержит обобщение методической литературы об уже имеющемся опыте работы с понятием «личность и эпоха» и творчеством С. Д. Довлатова в старших классах, а также собственную разработку уроков по творчеству С. Д. Довлатова, направленных на освоение понятия «личность и эпоха» на материале романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности».

Теоретические и практические **результаты исследования** прошли **апробацию** на Всероссийских научно-практических конференциях с международным участием «Буслаевские чтения» (Пенза, ПГУ, 2017 и 2018 гг.) и Всероссийском конкурсе научно-исследовательских работ «Научный взгляд» (г. Ростов-на-Дону, 2017).

Глава I. Конститутивные признаки филологического романа

§ 1.1. Особенности содержания филологического романа

Осмысление своеобразия филологического романа продолжается уже много лет. Наиболее активно проблема стала обсуждаться в конце 90-х и начале двухтысячных. Исследователи утверждают, что произведения, имеющие право относиться к этому жанру, появились задолго до того, как в литературоведческой практике стало употребляется данное понятие. Например, в 2005 году в научном журнале «Вестник Томского государственного педагогического университета» была опубликована статья И. М. Степановой «Филологический роман как “промежуточная словесность” в русской прозе конца XX века», в которой автор пишет: «явление, которое кроется под этим названием, возникло и существовало на протяжении всего прошлого века, начиная с 1920-х гг., в виде полунаучной-полухудожественной прозы, написанной выдающимися филологами-литературоведами – В.Н¹. Шкловским, Б.М. Эйхенбаумом, Л.Я. Гинзбург. И только во второй половине XX в., превратившись во вполне определенную тенденцию, подобная проза “родила” роман» [72]. Именно в 20-е годы XX века заговорили о «промежуточных» (Л. Я. Гинзбург), «непроявленных» (А. Ахматова), не имеющих твердых границ и правил жанрах. Именно тогда в опытах филологов «формальной школы» по созданию «нового романа» теория стала особенно вмешиваться в литературную практику. А. Разумова характеризует этот процесс так: «И не так уж ясно, что преобладало в их рецептах и прогнозах – пафос ученых, стремящихся воплотить в жизнь свои умозрения, свои идеи, или пафос писателей, теоретически «мотивирующих» своё творчество. *“Непрямой путь” формалистов – это путь от научного к художественному творчеству.* <...> Вместо теоретического ответа на вопрос, каким должен быть роман, Тынянов пишет романы. Помимо рассуждений о том, какие жанры должны прийти на место романа, Б. Эйхенбаум и В. Шкловский предлагают образцы подобных

¹ Вероятно, это опечатка. Инициалы Шкловского – В. Б. – Виктор Борисович.

жанров» [66]. В статье о Розанове Виктор Борисович Шкловский прогнозировал, что место романа должен занять новый жанр, «человеческий документ», в котором «скрестились» частное письмо, газета, дневниковая запись, разговорная реплика и фельетон. Образец этого жанра он нашёл в «Опавших листьях» и решил применить обнаруженное к собственной прозе. В 1923 году Шкловский написал «Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза». В предисловии он пишет: «Первоначально я задумал дать ряд очерков русского Берлина, потом показалось интересным связать эти очерки какой-нибудь общей темой. Взял «Зверинец» («Zoo») – заглавие книги уже родилось, но оно не связало кусков. Пришла мысль сделать из них что-то вроде романа в письмах. Для романа в письмах необходима мотивировка – почему именно люди должны переписываться. Обычная мотивировка – любовь и разлучники. Я взял эту мотивировку в её частном случае: письма пишутся любящим человеком к женщине, у которой нет для него времени. Тут мне понадобилась новая деталь: так как основной материал книги не любовный, то я ввёл запрещение писать о любви. Получилось то, что я выразил в подзаголовке, – «Письма не о любви». Тут книжка начала писать себя сама, она потребовала связи материала, то есть любовно-лирической линии и линии описательной. Покорный воле судьбы и материала, я связал эти вещи сравнением: все описания оказались тогда метафорами любви» [81: 642]. Книга эта явилась попыткой уйти из рамок обыкновенного романа. Её официальная тема – любовь, но она уходит на второй план, формально, в связи с тем, что возлюбленная просит героя не писать о своей любви. Поэтому он пишет об искусстве, своих литературных собратях (реальных фигурах: А. Ремизове, В. Хлебникове, А. Белом, Б. Пастернаке и других), эмигрантах в Берлине, русской интеллигенции и революции. Лирический сюжет соединяется, таким образом, с филологическими заметками и набросками к научным статьям. Филология становится средством обольщения. В письме восемнадцатом герой откровенно признаётся своей возлюбленной, каким приёмом он пользуется: «Видишь ли, в чём дело: я одновременно с письмами к тебе пишу книгу. И то, что в книге, и

то, что в жизни, спуталось совершенно. <...> Я произнёс слово любви и пустил дело в ход. Началась игра. Где любовь, где книга, я уже не знаю. Игра развивается. На третьем или четвёртом печатном листе я получу свои шах и мат» [81:674-675]. По замечанию Л. Я. Гинзбург, автор-филолог всё время перебивает и поправляет автора-писателя, пишет (описывает или повествует), и тут же анализирует написанное. В предисловии к одному из писем автор прямо обращается к читателю: «...скажите, на какого чёрта вам нужна композиция? А если нужна – извольте! Для иронии произведения необходима двойная разгадка действия, обычно она даётся понижающим способом, в “Евгении Онегине”, например, фразой: “А не пародия ли он?”. Я даю в своей книге вторую повышающую разгадку женщины, к которой писал, и вторую разгадку себя самого» [81: 679]. Сюжетом произведения становится процесс создания нового жанра. Главный герой тот, кто выстраивает этот сюжет от письма к письму.

Введение в обиход самого словосочетания «филологический роман» исследователи А. Разумова и И. Степанова связывают с выходом в 1991 году отрывков из дневников советского антиковеда и культуролога-фольклориста Ольги Михайловны Фрейденберг, опубликованных историком культуры Ниной Владимировной Брагинской под заголовком «Филологический роман. Предварение к запискам Ольги Фрейденберг».

Доктор филологических наук Владимир Иванович Новиков предлагает «выписать патент на самый термин “филологический роман” Александру Генису» [58] как раз в связи с публикацией романа «Довлатов и окрестности». Об этой книге исследователь пишет: *«Журналистская техника летучего письма помогла Генису написать лёгкую, весёлую, читабельную книгу, где мемуарные свидетельства плавно перетекают в раздумья о довлатовском типе творчества, о феноменологии литературной профессии и судьбы. Слово “роман” в подзаголовке смотрится уместным по многим причинам: перед нами явно не монография (как, скажем, книга И. Сухих о том же предмете), имеется жанровый прецедент романического повествования без вымысла – “Роман без*

вранья” Мариенгофа, наконец, филологизм здесь особый – без педантизма и занудства» [58].

В вышедшей через полтора года статье «Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии» учёный отзывает свой патент в связи с выходом нового издания книги Юрия Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (1983 г., первая публикация в 1985 в Мюнхене, публикация в «Советском писателе» в 1990) с подзаголовком «филологический роман». В примечании сообщается, что определение жанра появилось после совместной работы с редактором издательства «Советский писатель» Ольгой Тимофеевой. Поэтому, если не обнаружится более ранний прецедент, Владимир Новиков предлагает отныне изобретателями термина считать О. Тимофееву и Ю. Карабчиевского.

О сущности жанра и причинах его возникновения сам А. Генис рассуждает в статье «Фотография души. В окрестностях филологического романа»: «*Филологический роман видит в книге не образы, созданные писателем, а след, оставленный им.* От образа след отличается безвольностью и неизбежностью. Он – бесхитростное следствие нашего пребывания в мироздании: топчась по нему, мы не можем не наследить. След обладает подлинностью, которая выдает присутствие реальности, но не является ею. След лишь указывает на то, что она здесь была» [18]. Когда писатель создаёт своё произведение, он словно идёт по снегу, оставляя на нём дорожку следов. Перед интерпретатором стоит сложнейшая задача пройти по ней, не наследив самому. По мнению Александра Гениса, автор филологического романа должен рассматривать творчество писателя как внешнее выражение его внутреннего мира. Так он и поступает в книге «Довлатов и окрестности» – объединяет писателя и журналиста Довлатова с его текстами, факты биографии переплетает с анализом лучших его произведений.

Владимир Новиков в статье «Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия» даёт наиболее простое определение жанра, позволяющее включить в его границы довольно большое число произведений: «Филологическим по преимуществу, наверное, можно считать такой *роман, где*

филолог становится героем, а его профессия – основой сюжета» [58]. Предшественниками данной жанровой формы он называет романы «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. Каверина и «Пушкинский дом»² А. Битова, в каждом из которых фигура филолога выдвинута в качестве наиболее выразительной персонификации той бурной интеллектуально-творческой стихии, которая осталась «колоритнейшей чертой времени» и в 1910-1920-е годы расцвета «формальной школы», и в шестидесятые, когда «в литературоведении скрестились важные противоречия и споры, “современное прочтение классики” включало в себя проблемы политические, философские, религиозные...» [58]. Также интересующий нас термин Владимир Новиков предлагает применять к *беллетристическим повествованиям о писателях*, таким, как роман Юрия Николаевича Тынянова «Пушкин». По мнению учёного, филологизм может присутствовать в вымышленном повествовании, точно также, как романная концепция порой имеется в строго фактографическом дискурсе. В 2000 году в журнале «Звезда» вышел его роман «Сентиментальный дискурс. Роман с языком», который критика приняла как филологический. Из авторского предисловия: «Вдохновляясь этой традицией (филологического романа, лучшие образцы которого, по мнению Новикова, явили у нас Тынянов, Каверин и Битов, а за рубежом – англичанин Дэвид Додж – *примечание М.М.*), я в 1997 году принялся за вымышленное повествование «Сентиментальный дискурс», последние поправки в который внес в ночь с 1999 на 2000 год. Жанр этого сочинения я определил как «роман с языком», а героя сделал лингвистом. *Фабула здесь переплетена с филологической рефлексией*, и для меня самого эта вещь неотделима от моих ранее написанных литературоведческих книг. “Я думаю, что беллетристика на историческом материале теперь скоро вся пройдет, и будет беллетристика на теории. У нас наступает теоретическое время” – эти слова Тынянова из письма Шкловскому постоянно вспоминались мне в

² И. Сухих в статье «Сочинение на школьную тему» назвал «Пушкинский дом» «отчётом о сочинении романа, диссертацией о нём» (Звезда. 2002. №4.)

процессе работы» [57]. Как и В. Шкловский в «Зоо», Новиков пишет роман о любви к женщине и литературе. Это история трёх неудачных браков немолодого профессора Андрея Языкова, рассказанная от первого лица, постоянно переплетающаяся с авторскими отступлениями в область языка. «По сути, главным героем такого романа является как раз язык – как водится, великий, прекрасный, могучий, а главное, вмещающий национальное сознание. <...> Владимир Новиков не язык опрокинул в стихию жизни, а, наоборот, жизнь в языковую стихию. В его романе слова, подобно людям, рождаются, вступают в различные отношения, конфликтуют, обладают характером и активно вмешиваются в события» [56], – пишет о романе критик В. И. Мясников.

Таким образом, рассуждения исследователей можно свести к выводу о том, что *главным действующим лицом* в филологическом романе является филолог, представитель мира литературы, творческая личность, плотно «зафиксированная» в своей эпохе (персонификация своего времени), а его профессия становится *основой сюжета*. Этот жанр являет собой «человеческий документ», в котором «скрестились» частное письмо, газета, дневниковая запись, разговорная реплика, анекдот, фрагменты культурологических и литературоведческих статей, очерки общественной жизни и автобиографическая мини-новелла.

§ 1.2. Жанрообразующие характеристики

Для системы жанрообразования в современном литературном процессе характерно размытие межжанровых границ. В конце XX – начале XXI века филологичность, оглядка на историю жанра и способность автора ориентироваться в культурно-историческом дискурсе эпохи стали неотъемлемой чертой всей полноценной прозы. Это усложняет процесс определения конкретного жанра. Тем не менее, при такой широте трактовки понятия филологический роман следует отделить от постмодернистского метаромана с его апелляцией к литературным предшественникам,

интертекстуальным слоем и языковой игрой, автопсихологических произведений, где картины литературно-филологического быта, организованные вокруг фигуры героя-писателя, интересны автору в связи с фактами собственной биографии, а также беллетризованных писательских биографий из серии «ЖЗЛ».

К назвавшейся «романом» филологической прозе предъявляют требования большие, чем простой синтез мемуаров и эссеистики. Отметим черты филологической прозы, которые появились уже в 20-ые годы XX века и вылились в «смещение» нелитературного жанра научной, критической статьи в «литературу»:

- преодоление старой формы «литературного» языка [37: 11];
- литературная игра: с одной стороны, они пишут с установкой на научность, используют специальную терминологию, а с другой – с установкой на художественность, не менее часто используя метафору;
- разговор не только о литературе и литераторах, но и о самом исследователе как равноправном герое исследования;
- обнажение приёма (демонстративные, часто лирические, отступления, ввод мини-новелл автобиографического содержания), снятие завесы с внутренней, скрытой писательской работы, с творческого процесса;
- синтезирование текста из дневников, писем, газетных статей, фельетонов и т.д.;
- сюжет нового типа, составленный из перекликающихся тем³;
- главный герой – филолог;
- проблематика группируется вокруг вопросов литературы и языка.

Так формируется филологический роман. Творческая биография автора, биографии коллег по цеху и перипетии литературной жизни превращаются в *сюжетное пространство литературного произведения*, в границах которого

³ «...новая тема не появляется для нас из пустоты, как в сборнике афоризмов, а подготавливается исподволь, и действующее лицо или положение продёргиваются через весь сюжет. Эти перекликации тем и составляют в своем противопоставлении те нити, которые, появляясь и снова исчезая, создают сюжетную ткань произведения» – Шкловский об «Опавших листьях» Розанова («Гамбургский счёт»).

появляется возможность декларировать индивидуальные особенности авторского стиля и проводить литературные эксперименты. Камнем преткновения при обсуждении этого промежуточного между филологией и художественной литературой жанра становится слово «роман», фигурирующее в нём, и, как следствие, вопрос о необходимости художественного вымысла в произведениях этой «группы».

И. М. Степанова пишет, что «филологическая проза лишь тогда может стать филологическим романом, когда в ней будут присутствовать *романная коллизия и романный герой* <...> в его основе должна быть заложена не просто филологическая рефлексия автора-героя, создающего ”даль свободного романа”, а конфликт во внутреннем мире рефлексирующей личности, будь то автор или герой» [72]. В качестве эталонного примера приводится роман «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где конфликт заключается в противостоянии научно-творческих энергий, и «Пушкинский дом», в котором сложные отношения между филологией и жизнью участвуют в создании художественного напряжения внутри смыслового целого романа.

Созвучную мысль высказывает Владимир Новиков, комментируя роман «Довлатов и окрестности»: «”Специфическая задача” филологического романа, по А. Генису, – исследовать “уникальность творческой личности” писателя, “попытка восстановить непостроенный храм”, “опыт реконструкции”, “фотография души” и т. п. Все это подходящие ориентиры для литературоведения и мемуаристики, но что в этом всем собственно романного? Можно, конечно, назвать “романом” любую интересную и хорошо написанную книгу, но все-таки “роман без вымысла” (“без вранья”, как у Мариенгофа) – это, по-моему, оксюморон с ограниченным диапазоном применимости. Писать роман – значит выдумывать. Душу человека (в том числе и писателя) невозможно “сфотографировать”, её можно только “нарисовать”, с неизбежным творческим риском» [59]. В данном суждении Владимир Новиков спорит главным образом с теоретическими выкладками, данными Александром Генисом в его статьях о жанре филологического романа. Дело в том, что автор

«Фотографии души. В окрестностях филологического романа» относит этот жанр к литературе *non-fiction*, имеющей в современном литературном процессе не меньшую значимость, чем литература художественная. Non-fiction Генис определяет так: «Сюда входят не только научно-популярные сочинения, философские трактаты, путевые заметки, политические программы и кулинарные рецепты, но и, скажем, лирические стихи (к какой из двух категорий относится “Я помню чудное мгновенье”?), а также *изящная, но небеллетристическая словесность*: эссе, дневники, письма, гуманитарная проза, включая всевозможные “романы-эссе”, “романы без вранья”, которые мне больше нравится называть “филологическими романами”» [18].

Можно выделить три смысловых поля, на которые распространяется это понятие [55: 36]: интеллектуальная литература; разного рода практические руководства и пособия; *литература, воспроизводящая реальность без участия вымысла*. В последнем значении термин наиболее близок литературе факта, документальной литературе. Генис предлагает рассматривать филологический роман как совершенно новый жанр – *художественную, очеркистскую документалистику*⁴, а не как разновидность постмодернистского романа, который при всей своей сложности, оригинальности и синтетической структуре, всё равно остаётся художественным с элементами очерка, эссе и другими составляющими, указанными выше. А именно этой концепции придерживаются остальные исследователи (в том числе и Вл. Новиков), сосредотачивающие внимание на вопросе эволюции жанра. Достаточно привести цитату из диссертации О. Ф. Ладохиной, в свою очередь ссылающейся на исследование И. Степановой: «Опираясь на труды Б. Эйхенбаума, И. Степанова замечает, что о промежуточных жанрах говорили еще формалисты, когда занимались «скрещиванием» филологии и литературы. Они, на её взгляд, были предшественниками данной жанровой формы, а в 90-е годы XX века филологический роман «отвердел и выкристаллизовался», ассимилировал в биографический роман («Довлатов и окрестности» А. Гениса),

⁴ Сформулируем так, хотя С. Чупринин пишет, что такое определение явно не охватывает всего явления нон-фикш.

в мемуары («НРЗБ» А. Жолковского), в роман-пародию («Голубое сало» В. Сорокина), в беллетризованную роман-оперу («Орфография» Д. Быкова)»[43].

Единственный критерий, позволяющий провести достаточно определенную границу между двумя видами словесности, по А. Генису – это персонаж. Именно его отсутствие лишает литературу вымысла, который и делает ее “художественной”. Персонаж – это «обобщенная до типа, упорядоченная, организованная личность, вырванная из темного хаоса жизни и погруженная в безжизненный свет искусства» [18]. В мире персонажа нет случайностей, потому что он подчиняется замыслу, у него в отличие от живого человека всегда есть цель и роль.

По мнению Гениса, сегодня важнее не уникальность произведения, а уникальность творческой личности. А поиск этой самой личности – автора – как раз является специфической задачей филологического романа. Для её выполнения он должен откеститься от биографического романа (к каковому исследователи нередко относят роман «Довлатов и окрестности»), ибо у них разные задачи. Биографический роман – это гибрид художественной литературы с non-fiction, он знакомит нас с жизнью героя, пересказывая его мысли, чувства и сочинения *своими* словами. А филологический роман занят другим: книга для него – «улика, ведущая литературу к ее виновнику» [18]. Филологический роман – это опыт реконструкции, объединяющей автора в единое целое с его сочинением. Разумеется, полностью избежать субъективизма при реконструкции личности в такого рода литературе невозможно. Доля исследовательского «я» в ней всегда будет присутствовать. Но постараться свести критический произвол к приемлемому минимуму все-таки можно. В данном случае обратимся к ещё одному произведению, чьё *авторское* определение также обозначено как филологический роман – «Воскресение Маяковского» Ю. Карабчиевского.

Как следует из предисловия, приступая к своей работе, писатель собирается в своих рассуждениях опираться, в первую очередь, не на факты жизни поэта, не на легенды и мифы, которыми обросла его биография, а на

поэтические тексты Маяковского, справедливо полагая, что поэт не солжёт там, где слукавит человек. В этой книге, как и в романе Гениса, есть глава «Поэзия и правда». Это основная тема филологического романа. Название, как известно, позаимствовано у одноимённой автобиографии И. В. Гёте. Оно довольно часто берётся на вооружение при создании исследовательских комментариев, призванных объяснить условия и причины написания отдельных произведений, показать внутренние связи и генеральные направления в творчестве того или иного автора, а также рассказать о жизненных и душевных состояниях писателя, давших материал для создания определённых художественных текстов. Несмотря на то, что и в том и в другом случае они выделены отдельным разделом, их содержание является темой всей книги, разлито по ней в качестве вопроса о том, насколько точно и прямолинейно запечатлён в литературном тексте человеческий, психологический портрет писателя. Сочинение Гёте отличается от большинства автобиографических произведений обширными отступлениями, в которых он выступает как историк. «Поэзия и правда» содержит множество ценнейших аналитических наблюдений над литературным процессом второй половины XVIII века, помещённым в контекст общественных отношений и культурной жизни эпохи, так как Гёте считал, что главная задача биографии состоит именно в том, чтобы обрисовать человека в отношении к своему времени, показать, насколько оно было враждебно ему или наоборот благоприятствовало, и как он отразил его в качестве художника, поэта, писателя.

Что касается сюжета, который также ищут в филологическом романе, то, по утверждению А. Гениса, эра великих открытий в области сюжета традиционного романа кончилась. По-настоящему уникальна только душа, которая помещается между телом и текстом. Её след и должен запечатлеть филологический роман. Это позволяет считать его разновидностью документальной литературы – прозаических произведений, в которых художественная реальность создаётся на основе документальных фактов, а не вымышленного сюжета.

В статье «О документальной литературе и принципах построения характера» 1970 года Л. Я. Гинзбург отмечала, что отсутствие вымысла в документальной литературе не означает отсутствия организации: «Построение личности в документальной литературе подчинено эпохальным представлениям о человеке и закономерностям господствующих стилей». Личность в филологическом романе «плотнее» запечатлена в своём времени. Карабчиевский доказывает, что первый поэт тоталитарной эпохи по собственной воле, а не по принуждению, служил советской власти и дал ей «дар речи», но так и не смог при всём своём мастерстве выразить время, как смогли сделать это его современники – Платонов, Булгаков, Замятин, Пастернак, Ахматова, Зощенко: «Он был не просто советским поэтом, он в любой данный момент *был поэтической формулой советского быта, внешних и внутренних установок, текущей тактики и политики*. И однако же то главное дело, которое он ставил себе в заслугу, не было выполнено, не было даже начато. *Время своё он не отразил и не выразил.* <...> Время выражается только через личность, только через субъективное восприятие. Объективного времени нет. Маяковский же... Странно произнести. Между тем это очевидная истина. Маяковский личностью не был. Он не был личностью воспринимающей, он был личностью оформляющей, демонстрирующей, выдающей вовне, на-гора» [39: 66] (*курсив мой – М.М.*).

Возникает предположение, что филологический роман может сформироваться только вокруг фигуры, подобной Довлатову или Маяковскому – того, кто в действительности стоит на некотором отдалении от своего текста, того, кого можно назвать «гений словесной формулы» [39: 63], того, про кого можно сказать: «Трудность восприятия его стихов есть трудность нахождения соответствия, фиксации подлинных чувств и оценок. Задача эта неразрешима в принципе, потому что на том конце стиха – не вожденная суть и правда, а произвольно выбранная оболочка, то есть снова знак, а не смысл. Это был неутомимый дезинформатор. Не только истина в высшем смысле, но простая обыденная правда факта не имела для него никакого значения. И не то

чтобы он всегда специально обманывал, но просто знать не знал такого критерия» [39: 77].

На основе проведённого анализа и с учётом подхода А. Гениса к филологическому роману как художественной, очеркистской документалистике, то есть литературе non-fiction, можно выделить ряд соответствующих жанрообразующих характеристик: герой – творческая личность, литератор, но не выдуманный персонаж-тип, а живой человек, не подчиняющийся воле автора; биография автора, биографии коллег по цеху и перипетии литературной жизни превращаются в сюжетное пространство литературного произведения, в границах которого появляется возможность декларировать индивидуальные особенности авторского стиля и проводить литературные эксперименты; личность плотно запечатлена в своём времени; автор выступает в нескольких ролях: как писатель, историк, литературовед и культуролог; художественная реальность создаётся силой авторского дарования на основе тщательно отобранных, эмоционально окрашенных фактов, а не вымышленного сюжета; сверхзадача – реконструкция, объединение писателя с его текстами; сознательное обнажение автором литературного приёма – раскрываются секреты творческой лаборатории художника, создаётся атмосфера импровизации; определённая мера свободы от нормативов академического литературоведения в авторской трактовке является основополагающей, что также делает их естественно привязанными ко времени создания.

Вывод по первой главе

Разговор о «промежуточных» (Л. Я. Гинзбург), «непроявленных» (А. А. Ахматова), не имеющих твердых границ и правил жанрах, в России начался ещё в 20-е годы XX века в связи с опытами по созданию «нового романа» литературоведов «формальной школы» В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Амбициозные и смелые, они предполагали рождение некоего нового синтетического жанра – «человеческого документа», в котором

скрестились бы частное письмо, газета, дневниковая запись, разговорная реплика и фельетон. Теория стала активно вмешиваться в литературную практику. В 1923 году Б. Шкловский написал такой роман – «Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза». Сюжетом произведения становится процесс создания нового жанра. Так начался вековой путь по синтезу научного и художественного творчества.

Введение в научный обиход самого словосочетания «филологический роман» следует связывать с выходом в конце XX века нескольких книг с именно таким *авторским подзаголовком*: книги Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» (1990), отрывков из дневников О. М. Фрейденберг, опубликованных историком культуры Н. В. Брагинской под заголовком «Филологический роман. Предварение к запискам Ольги Фрейденберг» (1991) и филологического романа А. Гениса «Довлатов и окрестности» (1999). Пальму первенства, если не найдётся более ранний прецедент, следует отдать Ю. Карабчиевскому и его соавтору по выдумыванию жанрового определения книги О. Тимофеевой, так как, несмотря на то, что в 1990 году роман был опубликован без приставки «филологический», по свидетельству редактора выдумано оно было уже тогда.

В современном литературоведении уже сложилась некая традиция трактовки этого жанра, основанная на вопросе его эволюции. Исследователи один за другим анализируют романы 20-30-х годов XX века («Пушкин» Ю. Тынянова, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. Каверина, «Zoo. Письма не о любви, или третья Элоиза» В. Шкловского и др.), романы 40-70-х годов, отражающие дальнейшие стилевые поиски в рамках этого жанра («Дар» В. Набокова, «Прогулки с Пушкиным» А. Терца (А. Синявского), «Воскресение Маяковского» Ю. Карабчиевского и др.), и постмодернистские романы, созданные в конце XX века, содержащие, по их мнению, все характерные признаки филологического романа («Пушкинский Дом» А. Битова, «НРЗБ» С. Гандлевского, «Роман с языком, или Сентиментальный дискурс» Вл. Новикова, «Б.Б. и др.» А. Наймана и др.). В

ходе этого анализа они приходят к выводу, что к филологическим следует относить романы, где филолог становится литературным героем (ярким представителем своего времени, выражением каких-то идей, то есть «типом»), а его профессия – основой сюжета. Такой роман должен обладать определённым рядом жанровых характеристик, к которым относятся:

- автор филологического романа выступает сразу в нескольких ролях: как писатель, литературовед и культуролог;
- многочисленные интертекстуальные отсылки к произведениям русской и мировой литературы и намеренное введение литературоведческих, литературно-философских, культурологических вставок, которое способствует усилению иллюзии невыдуманности основного текста, глубины художественного исследования интеллектуально-культурной жизни общества описываемой эпохи;
- сознательное обнажение автором литературного приёма – автор раскрывает секреты творческой лаборатории художника, создаёт атмосферу импровизации;
- игровое, подчас пародийное начало в переосмыслении характерных для классической литературы сюжетов, мотивов, типов героев филологического романа, позволяющее раздвинуть границы произведения;
- группировка проблематики вокруг вопросов литературы и языка;
- наличие романной коллизии и романного героя;
- сосуществование реальных и литературных героев;
- разговор не только о литературе и литераторах, но и о самом исследователе как равноправном герое исследования;
- принцип противоречия и литературной игры (одновременная установка на научность и на художественность);
- сплав факта, мысли и образа;
- «двойное письмо» – равноправное использование языков художественной литературы и литературоведческой науки;

- определённая мера свободы от нормативов академического литературоведения в авторской трактовке является основополагающей, что также делает их естественно привязанными ко времени создания.

Таким образом, современный филологический роман рассматривается как полухудожественная-полунаучная литература, являющаяся разновидностью постмодернистского метаромана.

Александр Генис предлагает принципиально иную трактовку жанра, требуя отделить филологический роман от биографического, и рассматривает его в границах литературы non-fiction, документальной литературы. Следовательно, он отрицает наличие в нём персонажа-типа и вымысла. Вопрос о границах «fiction» и «non-fiction» для этого писателя чрезвычайно важен. Примечательно, что Генис отвергает определение «нехудожественная литература», считая, что вся литература является художественной. Её в его представлении можно изобразить в качестве пирамиды, с одной стороны которой находится художественный текст, который начинается с рассказа, продолжается повестью и завершается романом. А с другой стороны пирамиды совершенно иной путь, который начинается со статьи, продолжается эссе, а на вершине соединяется с художественной прозой во что-то необычное, что мы и называем «non-fiction». Определение «литература факта» он отвергает тоже, говоря, что факты во все времена работали в литературе, например в романах Жюль Верна. Факт – основа литературы non-fiction, но, попадая в книгу, он должен сопровождаться авторской эмоцией и мастерством. Автор non-fiction должен оберегать нас от наплыва фактов, утрамбовывая и отбирая их. А главную его задачу исследователь видит в *отображении духа времени*. Задачу филологического романа писатель видит в реконструкции, объединяющей автора с его сочинением. Этот подход мы считаем наиболее верным, так как именно под эти характеристики подходят книги с собственно авторским подзаголовком «филологический роман».

Глава II. Роман А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» в истории русской словесности: традиции и новаторство

§ 2.1. Идеино-художественные особенности произведения

«Довлатов и окрестности»

Заглавие Александр Генис придумал по аналогии с монографией Ивана Александровича Аксёнова «Пикассо и окрестности». *Центральная тема* романа – исповедь последнего советского поколения, третьей волны эмиграции, голосом которых, по мнению автора, стал именно Сергей Довлатов. Повествование переполнено персонажами из его окружения, представителями русской творческой интеллигенции последней трети XX века. Примечательно, что все книги и фильмы, посвящённые Сергею Довлатову, с которыми мы столкнулись, обязательно вписывают его в контекст времени и являются, по сути, произведениями не о нём, а о среде, в которой он формировался и жил.

Говоря о третьей волне, Генис говорит исключительно о себе, потому что он и есть третья волна. Лев Лосев отметил, что одной из отличительных черт книги «Довлатов и окрестности» является *интимность*, так как она посвящена артистической сущности Довлатова, которая, по мнению автора статьи, является главной составляющей личности этого человека. В доказательство критик обращается к американским главам романа. Нарисованного в них писателя он воспринимает как демиурга, единственного из многих, кто «в реальной Америке создал для себя действительность по своим меркам» [50]. Обращаясь к главе, посвящённой лагерной теме в творчестве Сергея Довлатова, где Генис ставит его трактовку этого вопроса в параллель с трактовками Солженицына и Шаламова, Лосев отмечает, что автор не даёт этой позиции оценку, а точно описывает её. Таким образом, с Довлатовым можно спорить, а Генис прав.

Жизнь Сергея Довлатова и Александра Гениса становится художественным пространством литературного произведения. События передаются без учёта их хронологической последовательности. В книге 18 глав,

каждая из которых касается определённой грани личности и таланта писателя, общества и реальности, в которой он и автор-повествователь жили и работали. *Каждая из них является частью целой книги, однако, может восприниматься и как отдельное эссе.*

Первая глава – «Последнее советское поколение» – это постановка темы, Довлатов и окружение (друзья и герои его книг, отношение к советской власти). К ней примыкает глава «Поэзия и правда», ведь Сергей Довлатов писал только с натуры. При этом, по собственному его признанию, документальная фактура у него – лишь обманчивая имитация, нужная для решения художественных задач. Документ создаётся художественными методами. Таким образом, убедительность фактографии умножается на художественный эффект.

Автор вспоминает, что в молодости его друг называл свои рассказы импрессионистскими. У художников этого направления он перенимал метод – предпочтение минутного – вечному и понимание, что в каждом моменте скрывается полнота всей жизни. Здесь же об отношении самого автора романа к литературе вымысла и героям-типам, придумывание которых есть упрощение жизни. Вслед за Мариенгофом он утверждает, что хорошие писатели берут в литературу живых людей, которые оттуда выходят уже менее смертными.

«Смех и трепет» толкует довлатовский юмор и его «чувство драмы». *Образ героя складывается из отражений в многочисленных зеркалах, как в его собственной книге «Наши».* Говоря о смешном в его произведениях, Генис строит параллель «мастер делать литературу Довлатов – блестящий импровизатор застольного юмора Бахчанян». «Бахчанян напряжённо вслушивается в разговор, в котором распускаются ещё не опознанные соцветия юмора. Их-то Вагрич и вылавливает из беседы. Чуть коверкая живую, ещё трепещущую реплику, он даёт ей лёгкого пинка и вновь пускает в разговор в преображённом или обезображенном виде» [17: 30]. А вот о Довлатове: «Смешное Сергей не выдумывал, а находил. Он обладал удивительным слухом и различал юмор отнюдь не там, где его принято искать. <...> Сергей умел

пускать в дело то, что другие считали шлаком. Он сторожил слово, которое себя не слышит. Его интересовало не что люди говорят, а о чём они проговариваются» [17: 31]. Вторая параллель при изучении этой темы «Довлатов – Валерий Попов». Оба – мастера «могильного» юмора, смешное у них связано со страшным. У Довлатова смех нейтрализует насилие.

Говоря о неистребимой тоске своего друга, источником которой была «безнадёжная ограниченность опыта, которая саркастически контрастирует с неисчерпаемостью бытия», Генис призывает в свидетели Камю с его Сизифом и Бродского. Эта тема продолжается в одной из ключевых глав – «Метафизика ошибки». В ней говорится об «этическом чувстве правописания» [17: 74] и языка и отношении Довлатова к своим опечаткам (тут «щекатурка» Гоголя и «круглый стол овальной формы» Достоевского). А также о глобальном значении ошибки в литературе и жизни в понимании Гениса: «Ошибка – след жизни в литературе. Она соединяет вымысел с реальностью, как частное с целым. <...> Мир без ошибок – опасная, как всякая утопия, тоталитарная фантазия» [17: 76]. И ещё о любви Сергея Донатовича Довлатова к несчастным и всякой ущербности, недостаткам и слабостям, без которых персонаж получается неживой.

По мнению автора романа, больше всех книгам Довлатова подходят иллюстрации ленинградского художника, одного из основателей арт-группы «Митьки» Александра Флоренского. Ведь они объединены мировоззренческим родством: это «городской фольклор», поэтизирующий повседневность и неудачу, примитивность изображения в котором есть результат преодоления сложности. «Митьки» были одной из главных составляющих неофициального ленинградского искусства 80-х. Вместе с ними в «компанию» к Довлатову Генис «приводит» бедного Икара с картины Питера Брейгеля Старшего.

С каждой главой эта «компания» Довлатова расширяется. В «Поэтике тюрьмы» к ней присоединяется александрийский поэт Кавафис. По Генису, этого грека интересовали исключительно тупики истории, ошибки, глупости и случайности, а его позиция, при которой История дискредитируется, как нечто

поддающееся связному пересказу, очень близка поколению Довлатова. Ну и, конечно, лагерная тема – это Солженицын, Шаламов, сидевший Синявский.

Глава «Любите ли вы рыбу?» – об отношении Довлатова к литературе. Ответ на этот вопрос однозначен: «Любить можно Фолкнера!». В этой главе три воплощения Довлатова: рассказчик, писатель, журналист. Случаи из жизни им не рассказываются, а цитируются, «так чтобы сохранилась живописность сырого материала, того дикого мяса, которое только и ценил в поэзии Мандельштам» [17: 59].

«Щи из боржоми» – национальный вопрос. С помощью пары Север-Юг Довлатов (по матери армянин, по отцу еврей) добивается сочетания патетики с юмором. Из этой темы вытекают параллели «Довлатов – Хемингуэй» и «патетика и юмор – ирония и жалость», и параллель «Довлатов – Чехов». О последней: «Отдавая комическому персонажу сокровенные мысли, Чехов их не компрометирует, а испытывает на прочность» [17: 93]. Чехов и Хемингуэй появляются и в главе «Tere-tere» об эстонском периоде жизни писателя и сборнике новелл «Компромисс», да и вообще довольно часто, как главные учителя Довлатова в разные периоды жизни.

В главе «Все мы не красавцы» зеркалом Довлатова становится сам Александр Генис. Строится параллель «Генис – Беккет – Довлатов». Основание для неё – отношение к познанию мира. Когда Сергей Довлатов был жив, его друга поражало в нём отсутствие интереса к путешествиям и стремления узнавать новое, в то время как сам он хотел ездить «до истерики», читал запоем и всё подряд. Рефери в этом «споре» Генис делает Беккета – блестящего эрудита, поглощавшего знания, как губка, и вдруг ставшего затворником, осознав, что мир непознаваем: «Всё, что Беккету было нужно для литературы, он находил в себе. Сергей – в других» [17: 132].

Люди и их душевная организация – вот главный интерес Довлатова. Он создал целую галерею чудаков. Но все они не типы, а индивидуальности. Это традиция, идущая от Гоголя, а среди советских авторов продолженная Шукшиным. Одним из таких чудиков был Довлатов-персонаж, даже внешне

неотличимый от своего автора. Несмотря на немислимый рост, во всех драках он терпит поражение. Об этом глава «Пустое зеркало».

Американская тема начинается с главы «Роман пунктиром». Довлатову, на родине любившему босяков, забулдыг и изгоев, в Америке больше всего нравились уличные музыканты и остроумные попрошайки. Недаром из всей американской литературы любимой он называл фразу Тома Сойера: «Я остановился поболтать с Гekom Финном».

То, что пишет об американской литературе Генис, очень близко к трактовке позиций Довлатова, данных в предыдущих главах. А именно он пишет, что американская литература не требует от обычного человека героизма и святости, а принимает его таким, какой он есть – живым сложным человеком. Здесь рядом с Довлатовым возникает имя многоуважаемого им Фолкнера. Ещё «Сергей никогда не забывал о телесном аспекте нашего существования» [17: 167] – это сближало его с Хемингуэем. Довлатов приспособил его теорию айсберга для своих целей, взял «скупую слезу» и «знаменитые дырки в повествовании», позволяющие читателю «перевести дух». Именно за счёт этого у довлатовской прозы такое лёгкое дыхание – в неё «впущена пустота». Вслед за Борисом Пастернаком Довлатов стремится к выработке сдержанного, непритязательного слога, при котором читатель сам незаметно овладевает содержанием.

Языку Довлатова, его родственности джазу посвящена глава «All that jazz». Его тексты оказались чрезвычайно хороши для перевода на английский, по выражению Бродского, «ибо синтаксис его не ставит палок в колёса переводчику» [10]. Собственно это глава о Бродском и Довлатове: «Почти ровесники, они принадлежали к поколению, которое осознанно выбрало себе в качестве адреса обочину. Цenia превыше всего свободу как от потребности попадать в зависимость, так и от желания навязывать ее другим, Бродский и Довлатов превратили изгнание в точку зрения, отчуждение – в стиль, одиночество – в свободу» [17: 182]. Ещё Довлатова с Бродским роднили стихи,

потому рассказы его – по замечанию самого поэта – «скорее пение, чем повествование» [10].

К американским главам относится «Концерт для голоса с акцентом». Если писателем третьей волны Генис считает Довлатова, то поэтом – его друга Наума Сагаловского, бывшего автором «Нового американца» и весьма любимого Довлатовым за способность шутить в собственный адрес и творческую маску «ранимого наглеца». Глава посвящена этому бесконечно любимому и счастливому периоду их жизни, наполненному фактически немонетизированным творчеством.

Тема эмигрантской литературы продолжается в разделе «На полпути к родине»: «У эмигрантской литературы нет своей темы, но есть своё место – на полях чужой действительности. <...> Эмигрантскую словесность составляет диалог со своим прошлым, который автор ведёт из чужого настоящего» [17: 241]. Самую эмигрантскую книжку, полную эмигрантских типов, «Иностранка» - Генис считает неудавшейся. А лучшие – «Наши» и «Чемодан» – как раз об этом. Здесь Довлатов отражается в уже упомянутых эмигрантах третьей волны (Бродском, Синявском) и предыдущем поколении изгнанников.

Самая восторженно-поэтичная глава книги – «Пушкин». Начинается она с рассказа об отношении Довлатова к критике и филологии. А Довлатов писал в «Записных книжках» так: «Критика – часть литературы. Филология – косвенный продукт её. Критик смотрит на литературу изнутри. Филолог – с ближайшей колокольни» [30: IV: 243]. Соответственно, всё хорошие критики – писатели. Лучшим Генис считает Синявского. Кстати, «Прогулки с Пушкиным» он во время одной из лекций назвал своей любимой книгой. Синявский становится ещё одним зеркалом Довлатова: «Редкое отчество и творческое отношение к зэкам объединяли Довлатова с Андреем Донатовичем» [17: 193]. Однако, главной портретной деталью здесь является отношение героя к Александру Сергеевичу Пушкину. Как известно, в 1976-1977 он работал экскурсоводом в Пушкинских Горах и написал об этом «Заповедник» (1983 г.). Более всего он ценил в русском гении и стремился перенять (и перенял в

полной мере) способность выразить любую точку зрения в независимости от собственных общественно-политических взглядов⁵. Александр Генис даже фантазирует на тему «а что, если он писал “Зону” от лица Гринёва». Герою «Заповедника» 31 год, хотя его автору тогда было уже 36. Это потому, что 31 было Пушкину во время его Болдинской осени. А Довлатов выстраивает своё лето в Михайловском именно по этому образцу, он «накапливает чёрточки сходства», «проживает» Пушкина. И любит его «за то, что в большом человеке нашлось место и для маленького человека, за то, что Пушкин, в котором “легко уживались Бог и дьявол”, погиб “героем второстепенной беллетристики”» [17: 204].

Из редакции почившего «Нового американца» весёлая компания переключалась на радио «Свобода». Этой работе, наложившей огромный отпечаток на их прозу, посвящён раздел «Невольный сын Эфира». Как нам кажется, во многом именно журналистская работа, тем более, устная, способствовала выработке того особого синтаксиса Довлатова, который сделал его популярным в Америке, а потом и в России. Та же история с «летучей» техникой письма Александра Гениса.

Редакцией руководили эмигранты Второй волны, решающим событием в жизни которых была война. Все эти люди в описании Гениса – вылитые персонажи книг Довлатова. Владимир Юрасов (настоящее имя Владимир Иванович Жабинский), например: «Очевидцы рассказывали, что, попав из немецких лагерей к американцам, Юрасов сводил с ума медсестер. Затем, уже на “Свободе”, он по-крупному играл на скачках. Когда началась перестройка, Юрасов интересовался в посольстве, отменен ли смертный приговор, который ему заочно вынесли в Москве. На нас этот могучий старик с взлохмаченными бровями смотрел свысока — как купец Калашников» [17: 273]. Это же вылитый могучий дед Довлатова! В этой главе появляется ещё один учитель Довлатова – Сэлинджер: из него он вынес «уважение к словам, просвечивающим, как

⁵ Об этом в выступление С. Довлатова «Блеск и нищета русской литературы».

акварельные краски. Они помогали Довлатову вслушиваться в голос героя, который протыкает словесную вату, как спрятанная в ней иголка» [17: 272].

«Смерть и другие заботы» – об убийце Сергея Довлатова – пьянстве. Его герои, которым водка открывает этот мир таким, какой он есть, противопоставляются герою поэмы «Москва-Петушки», для которого алкоголь – средство вырваться на свободу и стать не от мира сего.

Как отмечает Марк Липовецкий, здесь в пространстве поэтики по трём принципам, анализ которых протягивается сквозь всю книгу Гениса, выстраивается теоретическая модель эстетики Довлатова [46]. Первый принцип – парадоксальная версия реализма Довлатова: действительность не является иллюстрацией к социальной проблеме, типизация отсутствует, поскольку она обезличивает, вместо неё выбирается странное, причудливое, абсолютизируется точность детали, человек воспринимается как единица текста. При этом жизни «во всей её наготе» нельзя найти не только в прозе Довлатова, но и в прозе Гениса, предупреждает Липовецкий, все обитатели довлатовских окрестностей «сознательно моделируют своё жизненное поведение по литературным образцам» [46]. Так, Борис Парамонов похож на героев русской литературы, «причем сразу всех – от старосветских помещиков до Свидригайлова, от Обломова до Карамазовых» [17: 57]; Лев Лосев «кажется цитатой из мемуаров Андрея Белого» [17: 139]; а Синявский «с годами... все больше походил на персонажа русской мифологии – лешего, домового, банника. Это сходство он в себе культивировал, и нравилось оно ему чрезвычайно. "Ивана-дурака", одну из своих последних книг, он надписал: "С лешачьим приветом"» [17: 194].

Второй принцип поэтики Довлатова, анализируемый Генисом, по Липовецкому – это «план содержания», описываемый в терминах абсурда, хаоса и пустоты «с характерной для русской культурной традиции тягой к целостности мировосприятия и миропонимания» [46]. Этот подход по отношению к прозе Довлатова критик считает наиболее верным.

Третий принцип – органическое единство всех текстов Довлатова, реализуемое за счёт парадоксальности центрального героя его прозы – автора, который, вопреки реалистической традиции, не находится за пределами текста, а помещается в самый его центр со всеми биографическими подробностями, и таким образом лишается права судить своих героев, отходит в сторону и даёт высказаться другим. Здесь критик замечает, как спутаны у Гениса категории «автора» и «повествователя», «героя-рассказчика» и «лирического героя» относительно классического реализма. Но Довлатов-то специально смешивает эти разные формы выражения авторского сознания, «именно для того, чтобы нарушить стоящую за этими категориями иерархию авторского знания» [46].

Марк Липовецкий также отмечает, что в романе цитаты из текстов Довлатова фигурируют на равных с личными воспоминаниями автора о поведении героя в тех или иных ситуациях. Например, анализ «Иностранки» он заменяет рассказом об эмиграции 70-80-х годов, что вполне оправдано в связи с замечанием Гениса: «Полноправным автором Довлатов был скорее в жизни, чем в литературе. Отсюда его любовь к интриге» [17: 155]. Таким образом, к игре между автором-героем и автором-повествователем Довлатовым подключается миф, который он создаёт вокруг себя в жизни.

Следующее замечание автора статьи «Критика как приём» кажется нам наиболее важным и ключевым в понимании особенностей романа «Довлатов и окрестности». А именно он называет главным аргументом в пользу развёрнутой концепции эстетики Довлатова саму эту книгу, сделанную в соответствии с этими самыми принципами, отдельные фрагменты которой будто написаны самим её героем.

Второй сюжет этой книги – жизнь автора. Недаром в самом начале он замечает: «Книги о других пишут, когда нечего сказать о себе. В данном случае это не так. Я-то как раз ее и пишу, рассчитывая поговорить о себе. Но чтобы забраться подальше, мне нужно дерево повыше» [17: 16]. «Биографический» образ автора – это *второй уровень повествования*. Несмотря на то, что он начинает книгу с истории о своей юности и предполагает рассказать о своём

поколении, встав на плечи самого рослого его представителя, он ни разу не заслоняет своего главного героя. Владимир Новиков даже попенял Генису на то, что он предстаёт в своём романе, предполагающем откровенность, с такой же «застёгнутой на все пуговицы» [58] душой, как и в передачах на «Свободе» или коротеньких эссе. Но в этом «невыпрыгивании» на первый план и состоит авторская установка, абсолютно созвучная принципу Довлатова. А замечанием о желании поговорить о себе он лишь подчёркивает субъективизм произведения. Ведь это не научный трактат, а очень личное повествование о друге и коллеге. Главный герой романа «Довлатов и окрестности» – явление весьма сложное: это реально существующий человек и одновременно литературный герой, художественный образ, созданный благодаря субъективному восприятию автора. Таким образом как раз и реализуется та самая «защита от фактов» и их эмоциональная авторская окраска, на которых так настаивает А. Генис. В данном случае нам представляется важным ещё раз процитировать статью «Фотография души. В окрестностях филологического романа»: «Книга для филологического романа – улика, ведущая литературу к ее виновнику. Когда речь идёт о подсознательной, неведомой самому автору глубине его творений, обычно имеется в виду что-то неприятное, вроде классовых интересов или сексуальных комплексов. Однако всякий сильнодействующий анализ – редукция, вроде той, что считает главным в вине алкоголь, с непоправимыми для хорошего вкуса последствиями. В отличие от фрейдизма или марксизма, филологический роман не вымогает из автора его темные секреты, а помогает ему их открыть» [18]. Это и отличает этот *филологический роман* от таких книг как, например, «Когда случилось петь С.Д. и мне» литературоведа и первой жены Довлатова Аси Пекуровской или биографии из серии ЖЗЛ авторства Валерия Попова, аннотации которых обещают нам увлекательных подробностей из жизни литераторов-шестидесятников, а авторы щедро сыплют факты на наши головы, дают им подчас чрезвычайно субъективные оценки и с их учётом анализируют творческую кухню своего героя, после отъезда в Америку внезапно ставшего

легендарным и признанным писателем, хотя в Ленинграде, казалось бы, ничего такого исхода не предвещало.

Автор рецензии на роман Игорь Потапов⁶ отмечает, что в выбранном «жанре» «Я и Довлатов» Генис вовсе не первопроходец. Критик сравнивает его произведение с книгой М. Веллера “Ножик Сережи Довлатова”: «Главное различие – в манере изложения. Если в “Ножике” – вполне традиционное линейное повествование, простое как антрекот, то в “Окрестностях” – немыслимая окрошка, странное варево, баранье рагу. Смесь абсолютно бытовых подробностей и баек (которые вполне на месте в мемуарах) с отдельными экземплярами литературного анализа (вот вам и пресловутый “филологический роман”), плюс – масса вставок, которые сложно охарактеризовать и которые притянуты за уши совсем уже сложной системой аллюзий. Цель этих отступлений непонятна (кроме разве что создания впечатления от всесторонней эрудированности автора)» [64].

Критики спорят о продуктивности подхода Гениса, при котором мемуарный пласт в романе переплетается с литературоведческим. Например, Татьяна Толстая упрекнула его в том, что он напрасно так настойчиво «прослаивает увлекательный роман о собственной жизни филологией опытного эссеиста» [76]. Но ведь тем самым он органичным образом вливается в традицию написания филологической прозы, начало которой было заложено в двадцатые годы XX века. Сразу же в голову приходит «ZOO, или Письма не о любви, или третья Элоиза», а за ним и опыты Розанова, которые были для В. Шкловского ключевыми в разработке нового жанра.

§ 2.2. Образ героя и образ автора в контексте эпохи

Вернёмся к центральной теме романа – исповеди последнего советского поколения, голосом которого стал С. Довлатов. *Принадлежность к определённому поколению – очень важная характеристика личности.* В книге «Человек как предмет познания» выдающийся советский психолог Б. Г.

⁶ Опубликовано в ежедневном сетевом издании о политике, культуре и обществе «Русский журнал».

Ананьев пишет: «Жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определённом обществе, современника определённой эпохи и сверстника определённого поколения. <...> В процессе общественного воспитания и образования, то есть в процессе формирования людей данного поколения, складываются “типичные характеры эпохи” социально ценные свойства поведения и интеллекта, основы мировоззрения» [2].

Эпоха – это совершенно особенная единица измерения времени. Её исключительность состоит в том, что она может длиться неопределённое количество лет. Иногда она занимает несколько веков, а иногда и несколько тысячелетий. Это зависит от скорости развития человечества. Потому что эпоха – это качественный период его развития. Примечательно, что учёные так и не создали единой периодизации. Делений существует несколько. Все они затрагивают разные временные рамки, потому что за основу берутся разные показатели. В широком смысле понятие эпоха включает в себя ментальность, мировоззрение, отношение к религии, нравы, законы, кодекс поведения, экономическую и политическую организацию и, наконец, определённый тип личности, характерный для этого периода истории. Таким образом, период существования СССР с 1922 по 1991 году и прилегающие к нему годы после победы Октябрьской социалистической революции в 1917 г. мы наверняка можем назвать эпохой, причём не только в жизни нашей страны, но и всего мира.

Личность – это, прежде всего, качества, сформированные у человека в процессе жизни, под влиянием окружающих и воздействием социальной среды. А. А. Реан определяет «личность» так: «это социальный индивид, субъект общественных отношений, деятельности и общения» [68: 12]. То есть личность – это социальная сущность человека. Индивидом рождаются, а личностью становятся. Индивидуальные предпосылки развития психики каждого человека изменяются под воздействием культуры и социума. Однако развитие личности подразумевает и ещё один уровень – способность преодолевать давление ситуации и делать выбор под влиянием собственной мотивации. Так, С. Л.

Рубинштейн предложил формулу о том, что внешние причины всегда действуют лишь опосредованно через внутренние условия [70]. Этот подход преодолевает механическое социологизаторство, но отнюдь не рассматривает личность как нечто самодостаточное и изолированное от социума. В результате социального взаимодействия человек получает определённый опыт, который, будучи *субъективно* усвоенным, становится частью личности.

Социализация – процесс и результат усвоения и последующего активного воспроизводства индивидом социального опыта. Этот процесс неразрывно связан с общением и совместной деятельностью людей. Б. Г. Ананьев рассматривал социализацию как процесс, протекающий в двух направлениях: становление человека как личности и становление человека как субъекта деятельности. В процессе социализации образовывается *индивидуальность*.

Мы уже говорили, что социальный опыт всегда субъективен. То есть разные люди выносят из одних и тех же ситуаций различный опыт. Кроме того, личность является не только социальным индивидом, но и активным субъектом социального развития и саморазвития. Развитие личности зависит от нескольких факторов: наследственность, воспитание, собственная активность, человека и *среда*. Понятие «среда» включает в себя природно-географическую и социальную среду. Для нас естественно важно рассмотрение последней.

Социальная среда состоит из трёх компонентов (*факторов развития*):

1) Макросреда – это государственные институты, общество, определенные социально-экономические, культурные и социально-политические условия жизни, страна с её историей, обрядами, праздниками и традициями. Её воздействие осуществляется в основном через средства массовой информации, книги, установленные в обществе законы, правила, посредством требований и оценки морали и эстетики.

2) Мезосреда включает национально-культурные и социально-демографические особенности региона, в котором проживает человек, этнические особенности региона.

3) Микросреда – это социальная среда жизнедеятельности человека, с которой он непосредственно контактирует.

Ключом к пониманию развития личности в социогенезе⁷ является категория *«социально-исторический образ жизни»* [3]. Она позволяет провести анализ развития личности на пересечение трёх координат – исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути личности.

Всю свою жизнь человек включён в производственную, политическую, культурную жизнь общества, переживает исторические события своей эпохи. Соответственно его жизненный путь можно рассматривать как пространство взаимодействия личности и эпохи. Историческая природа личности требует учёта исторических обстоятельств её жизни. Б. Г. Ананьев писал: «сама история – основной партнер в жизненной драме человека, а общественные события становятся вехами его биографии» [2].

Каждая эпоха формирует специфический тип личности, в котором отражается индивидуальность этого времени. Человек, принадлежащий к определенному типу общества, обладает свойствами, интересами, стремлениями, которые определены спецификой рассматриваемого исторического периода. Однако нельзя забывать, что каждая историческая эпоха имеет не один, а несколько образов человека и что индивид постоянно изменяется. Несмотря на ряд общих моментов в биографиях современников, жизнь каждого уникальна. Разнообразие биографий обусловлено, в частности, тем, что люди, живущие в одной и той же макросреде, являются не только членами общества, но и членами многих общностей, из которых складывается их микросреда. Поэтому мы можем говорить только о наиболее характерных, так или иначе присутствующих на протяжении всей эпохи, свойствах человеческой личности.

⁷ «Под **социогенезом** в психологии понимается происхождение и развитие высших психических функций, личности, межличностных отношений, обусловленное особенностями социализации в разных культурах и формациях» [Асмолов;302]

Как уже говорилось выше, все исследователи, журналисты, мемуаристы и кинематографисты рассматривают фигуру Довлатова исключительно в историко-литературном контексте. В любое аналитическое произведение он приходит не один, а с огромной компанией. Основу такому подходу заложил сам писатель, чья проза плотно привязана к месту, времени, личности. Его мир набит персонажами из жизни, литературой и юмором, однако имеет с реальностью непростые отношения. В романе А. Гениса об этом сказано так: «Через год после смерти Довлатова я участвовал в посвященном ему вечере в Ленинграде. Для меня все, кто собрался на сцене, пришли туда из "Невидимой книги" – кубистический Арьев, гуттаперчевый Уфлянд, медальный Попов, Сергей Вольф, списанный у Эль Греко. У Довлатова фигурировал даже зал Дома союза писателей имени Маяковского. <...> С тех пор многие из друзей Довлатова стали моими приятелями. Но перечитывая "Невидимую книгу", я не могу отделаться от впечатления: подлинного в этих мемуарах только фамилии героев. <...> В жизни им недоставало того беглого лаконизма, который придало им довлатовское перо. <...> О себе Сергей рассказывал пунктиром, перемежая свою историю яркими, как переводные картинки, сценками богемной жизни» [17: 18-19].

Дело в том, что Сергей Довлатов стал родоначальником одного из течений постреализма, которое получило в критике название *«новый автобиографизм»*. Он превратил свою биографию в литературное произведение, в неисчерпаемый источник абсурдных и трагикомических сюжетов. Версии одних и тех же событий своей жизни писатель многократно варьирует в своих текстах: семья – цикл «Наши»; учеба в университете, исключение из него, служба во внутренних войсках – «Зона»; первые литературные опыты, группа «Горожане», ленинградская литературная среда конца 1960-х годов – «Невидимая книга»; работа журналистом в Эстонии – цикл «Компромисс»; работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике – повесть «Заповедник»; эмиграция – «Филиал» и «Иностранка»; редакторство в

газете «Новый американец» – «Невидимая газета». Он сам творил вокруг себя миф, а его друзья и биографы продолжали заниматься этим мифотворчеством.

Внешне не выходя за пределы реалистического жизнеподобия, он, вместе с тем, обнажает именно литературную сторону жизни, неосознанно следуя постмодернистскому принципу «мир как текст». Работа с автобиографическим материалом придаёт этому сочетанию особую остроту. В этом смысле Довлатов, начинавший писать на исходе 1960-х годов, не продолжает, а отталкивается от «исповедальной прозы» «оттепели». В этой прозе герой был литературной тенью своего поколения, его полномочным представителем.

По мнению Льва Лосева, именно «поэзия и правда» у Довлатова – основная литературная тема романа Гениса. Критик начинает свою статью о книге с описания случая, произошедшего с ним и автором в Сиэтле. Они зашли в пирожковую, хозяин которой сразу же узнал Гениса, завязалась беседа, фамилия пирожника показалась литературоведам знакомой, и он пояснил: «Я из Таллинна, помните, у Довлатова есть про меня рассказ...» [50]. Ничей другой персонаж случайно на улице человеку повстречаться не может, а довлатовский – может.

Александр Генис и Сергей Довлатов познакомились в Америке. Первый приехал туда совсем молодым – в двадцать четыре, второму было уже под сорок. Во время своей открытой лекции «Довлатов и третья волна» в рамках Тартуского международного литературного фестиваля «Prima Vista» Генис отметил, что для него третья волна – это, в первую очередь, разоблачение лжи советской пропаганды, которая считала 70-80-ые годы временем застоя в русской литературе, вычёркивая из неё литературную эмиграцию, в среде которой на тот момент жизнь кипела. И литературный процесс тех лет направлял вовсе не «Новый мир», а мичиганское издательство «Ардис». За границей появлялись новые русские издательства, выходили журналы, книги, газеты. В Париже жили Андрей Синявский и Виктор Некрасов, в Германии – Владимир Войнович, в Америке – Василий Аксёнов и Наум Коржавин. Каждый из них смог по-своему обновить русскую литературу. И, конечно, два

Нобелевских лауреата – Александр Солженицын и Иосиф Бродский, представлявшие два прямо противоположных отношения к жизни, миру, истории. Солженицын хотел быть русским, ожидающим отъезда в Россию, и не признавал третью волну, игнорировал её. Бродский же был очень отзывчив, многим помог, охотно участвовал в жизни печатных органов третьей волны. Но, тем не менее, и он имел малое к ней отношение, потому что его интересовали другие дела. Он, по выражению Гениса, «смотрел в небо и в корень языка».

По настоящему свой писатель у третьей волны эмиграции, русской Америки был один – это Сергей Довлатов. Весной 1978 года в «Ардисе» вышла «Невидимая книга». В июле его первый раз арестовали. 24 августа он покинул страну. За двенадцать лет там он издал двенадцать книг. Он описывал эмиграцию в её начальный период, со всеми её трудностями. Его герои часто глубоко разочарованные люди. Ведь жизнь уехавших часто складывалась по схеме «был в России режиссёром, стал в Америке таксистом».

Однако его считают не только голосом третьей волны эмиграции, но и целого *поколения, на котором кончилась советская власть*: «Умирают писатели поодиночке, рождаются – вместе. <...> Поколение – как субботник. Оно реализуется в массе. Меняется не индивидуальный стиль, а коллективные ценности – этические приоритеты, ритуалы, реакция на окружающее» [17: 20].

После 1917 года русское искусство должно было либо стать средством переустройства мира, либо перестать существовать вовсе. В лекции «Блеск и нищета русской литературы» Довлатов говорит об этом процессе так: «этот период можно считать началом планомерного истребления русской литературы, которая существовала в невыносимых условиях, теряя лучших своих представителей и унижаясь до полного отождествления себя с государством. По официальным данным, около восьмиста русских литераторов, причем наиболее заметных, было физически уничтожено в сталинских концентрационных лагерях, но даже это не самое страшное. Гораздо страшнее то, что литература в целом стала постепенно утрачивать самое драгоценное и

жизненно необходимое качество – способность к открытому и безбоязненному самовыражению» [30: IV: 439-440]. Кошмар, преследовавший Довлатова в России, – не ставшая книгой рукопись – кошмар нескольких поколений русских литераторов. В главе «Невольный сын Эфира» помимо темы радио Генис говорит о важности писем в жизни своего героя. Это же просто удивительно, какое великое множество записных книжек, писем и дневников создавалось до времени, впрямь, когда станет можно опубликовать. Не имея возможности печатать свои произведения по цензурным соображениям, переводили все лучшие, от Бориса Пастернака и Анны Ахматовой до Иосифа Бродского и Беллы Ахмадулиной. В детскую литературу в связи с этим ушло также немало имён. Позволим себе большую цитату о литературном процессе «оттепельных» лет из лекции Сергея Довлатова: «В конце 50-х годов недолгая хрущевская оттепель вызвала к жизни приток литературных сил, и на страницах журналов запестрели имена талантливых молодых писателей – Аксёнова, Гладилина, Войновича, Окуджавы, Ефимова, Ахмадулиной, Шукшина, Искандера, Балтера и многих других. Это было время великих иллюзий, огромных надежд. Многим казалось, что литературный процесс может быть восстановлен, что могут быть наведены мосты от классической русской литературы к здоровым художественным тенденциям начала шестидесятых годов. Увы, этим иллюзиям не суждено было осуществиться. Официальный процесс демократизации общества быстро зашел в тупик, и то, что пришло ему на смену, поразило еще большим убожеством, бесплодием и скукой» [30: IV: 440-441].

С. Д. Довлатов родился осенью 1941 году в эвакуации в Уфе. Поколение интеллигентов, родившихся между 1925 и 1945, принято называть «шестидесятниками» или «детьми XX съезда». Историческим контекстом, сформировавшим их взгляды, были годы сталинизма, Великая Отечественная война, итоги XX съезда КПСС и эпоха «оттепели». Довлатов окончил школу в 1958 году и, не поступив на факультет журналистики Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, пошёл работать в

типографию. В 1959 году он всё-таки поступил на филологический факультет ЛГУ. Именно в эти годы он приобрёл большую часть своих друзей.

Это было переломное время в Советской истории. Через три года после смерти И. В. Сталина (5 марта 1953 года) началась «Хрущёвская оттепель». На XX съезде КПСС в 1956 году первый секретарь КПСС Никита Сергеевич Хрущёв выступил с докладом, в котором критике были подвержены культ личности Сталина и репрессии 1930-х годов. Это время продлилось до середины 60-х и характеризовалось началом освобождения политзаключённых, ликвидацией ГУЛАГа, относительной либерализацией политической и общественной жизни, большей свободой творческой деятельности. В 1957 году в Москве прошёл VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. В это же время в 1956 году было подавлено Венгерское восстание, а за ним в разные годы ещё ряд мятежей. В 1957 году началось преследование Б. Л. Пастернака за публикацию романа «Доктор Живаго» в Италии. В 1964 был арестован И. А. Бродский.

В 1961 году Сергей Довлатов был отчислен из университета за неуспеваемость, в июле 1962 призван в армию и отправлен в систему охраны исправительно-трудовых лагерей в Коми АССР. Лагерная литература, где «зэку выпадает роль набата» и он «такая же неотъемлемая часть мира, как академик и балерина» – отпечаток времени. Изменение позиции автора у Довлатова относительно этой темы – опять же признак поменявшегося ветра времени. Вряд ли для надзирателей ГУЛАГа их служба была курортом. Однако по А. И. Солженицыну лагерь – это средство объединения интеллигенции и народа среди заключённых. Для Довлатова это тоже некий опыт соборности – и интеллигент Борис Алиханов, и эстонец Пахапиль, и бывший лётчик Мищук, севший за кражу парашютного шелка, и полуграмотный ефрейтор Петров по кличке Фидель, и рецидивист Купцов, и все другие зэки находятся в одной лодке, за одной решёткой, иногда превращаются в зверей и пытаются выжить при столкновении с «жестокостью бессмысленной, как поэзия». И как выясняется из рассказа «Старый петух, запечённый в глине»- вот это-то

«единство народа» остаётся на всю жизнь. И этот ужас нельзя объяснить происками властей.

В 1964 году Никита Хрущёв был отстранён и на смену ему пришёл Леонид Брежнев. Весной 1965 года Сергей Довлатов демобилизовался, начал работать в газете. *Эпохе 60-х* посвящена книга П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека». Используется именно это слово, так как период между Лениным и Хрущёвым казался законченным и предполагалась коренная ломка общества.

Александр Генис, как уже отмечалось выше, младше Довлатова более чем на 10 лет. Он родился в 1953 году в Рязани и вырос в Риге, откуда и эмигрировал в Америку. Себя авторы книги называют «поздними “детьми оттепели”». Начало означенного периода они датируют XXII съездом (1961 г.), принявшим программу построения коммунизма, а конец – оккупацией Чехословакии в 1968 году, воспринятой в СССР как крах всех надежд. В эти годы сформировался особый тип «шестидесятника», личность которого так часто вспоминают теперь, романтизируют, о котором снимают кино. В эти годы завязалась дружба с Кубой, которую воспевал Евгений Евтушенко. Приоткрылось окно в Европу, через которое в СССР пришли ленты Феллини, Сэлинджер, Битлз. Культовой книгой становится «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова. Но главным писателем этих лет был Эрнест Хемингуэй. Его портрет был в каждом доме. Его книги сформировали мировоззрение целого поколения. В 1959 году в Москве вышел его двухтомник. «60-е оставили себе от Хемингуэя антураж, географию, стиль. Их интересовало не содержание диалогов, а их форма, не суть конфликтов, а авторское отношение к ним. Хемингуэй существовал не для чтения. Важны были формы восприятия жизни, выстроенные писателем. Формам можно было подражать» [11: 245]. Ядром хемингуэевского стиля было новое отношение к материальному миру и идеям, из которых строился мир советского человека.

В романе «Довлатов и окрестности» последовательно проводится мысль о том, что последнее советское поколение от предпоследнего отличало

своеобразное отношение к советской власти. «Одни противопоставляли верные идеи ложным, другие вообще не верили в существование идей» [17: 24]. Последнее советское поколение боролось не с системой, а за право быть самими собой. Политические проблемы заменяются для них личными, экзистенциальными. Так довлатовские персонажи живут, как могут и не спихивают вину за свои неудачи на режим, потому что по Довлатову абсурдна любая жизнь, а не только советская. Раньше писали о том, как идеи меняют мир, говорит А. Генис, теперь Довлатов пишет, как они его не меняют. «И идей нет, и меняться нечему» [17: 24]. А такая безыдейная жизнь деконцептуализирует власть и прежнюю этическую систему. Игорь Ефимов посвятил этой трактовке текстов Довлатова статью «Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса». По мнению критика, борьба с любой идеологией за полную безыдейность, которая прослеживается во всех работах Гениса, в романе «Довлатов и окрестности» выросла в главную тему и даже сверхзадачу всего труда.

Довлатов запечатлел целую галерею чудаков, порождённых советской властью, способных выжить только в условиях социалистической экономики (испытание рынком для многих закончилось летальным исходом). Речь идёт об авторах самиздата, художниках-нонконформистах, поэтах из котельных и кочегарок и многих других. Власть их не любила, но ведь замечала. Самим фактом преследования она оправдывала их существование: «Халиф вызвал возмущение, публично пожаловавшись, что в России его замечал хоть КГБ» [17: 173]. Всю эту публику увековечил Довлатов: «...публика у нас тут довольно своеобразная. Олежка, например, буддист. Последователь школы “дзен”. Ищет успокоения в монастыре собственного духа... Худ – живописец, левое крыло мирового авангарда. Работает в традициях метафизического синтетизма. Рисует преимущественно тару – ящики, банки, чехлы... Ну, а я – человек простой. Занимаюсь в свободные дни теорией музыки. Кстати, что вы думаете о политональных наложениях у Бриттена?» («Компромисс») [30: I: 404].

Переходя от категории «социально-исторического образа жизни», позволяющей проводить анализ личности на пересечении исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути, к «новому автобиографизму» С. Довлатова и роману А. Гениса, переплетая анализ произведения с описанием времени, господствующего в Советском союзе режима, объясняя, в каком культурно-историческом контексте жили и творили автор и его герой, мы стремимся показать, во-первых, сколь близок этот подход к анализу личности для А. Гениса, во-вторых, что и проза Довлатова, плотно привязанная ко времени, месту и личности, и названная книга о нём, имеющая целью рассказать о думах и чаяньях последнего советского поколения, персонификацией которого стал С. Довлатов, как нельзя лучше подходят для освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах. В-третьих, мы продолжаем мысль из параграфа 2.1. о том, что роман «Довлатов и окрестности» стал блестящим опытом реконструкции образа писателя – не разрушая мифа, он, тем не менее, вносит в него ясность, проливает свет на его происхождение. То есть прочтение хотя бы пары ключевых глав на уроках литературы может дать ключ к пониманию довлатовской прозы, более осознанному её восприятию. А собранный материал об исторической эпохе, в которой формировались автор и герой романа, станет основой для составления этого урока.

Вывод по второй главе

Центральная тема романа «Довлатов и окрестности» – исповедь последнего советского поколения, на котором кончилась советская власть, и третьей волны эмиграции, голосом которых, по мнению автора, стал именно Сергей Довлатов. Во время своей открытой лекции «Довлатов и “третья волна”» в рамках Тартуского международного литературного фестиваля «Prima Vista» Александр Генис отметил, что, говоря о третьей волне эмиграции, он говорит исключительно о себе, потому что он и есть эта самая «третья волна». Ведь нынче признанный всеми мастер нон-фикшн прибыл в Америку

из Риги самым молодым из их компании – в 24 года. Позже туда приехал и Сергей Довлатов, которому было уже под сорок. Там они и познакомились. Таким образом, в аналитической работе цитаты из текстов Довлатова фигурируют на равных с личными воспоминаниями автора о поведении героя в тех или иных ситуациях. А вторым сюжетом является жизнь автора. Его «биографический» образ – это второй уровень повествования.

Литературовед Лев Лосев отметил, что одной из отличительных черт книги «Довлатов и окрестности» является *интимность*, так как она посвящена артистической сущности Довлатова, которая, по его мнению, является главной составляющей личности этого человека.

Жизнь Сергея Довлатова и Александра Гениса становится художественным пространством литературного произведения. События передаются без учёта их хронологической последовательности. В книге 18 глав, каждая из которых касается определённой грани личности и таланта писателя, общества и реальности, в которой он и автор-повествователь жили и работали. Аналогично тому, как в его собственной книге «Наши» из портретов легендарных предков собирается образ самого автора, так в романе Гениса образ Довлатова складывается из отражений в «многочисленных зеркалах», которыми становятся его друзья и современники, литературные кумиры и представители предыдущих поколений эмиграции. Как отмечает Марк Липовецкий, здесь в пространстве поэтики выстраивается теоретическая модель эстетики Довлатова. Строится она на трёх принципах, анализ которых протягивается через всю книгу:

1) парадоксальная версия реализма Довлатова (как выясняется позже, имя которому «новый автобиографизм»): действительность не является иллюстрацией к социальной проблеме, типизация отсутствует, поскольку она обезличивает, вместо неё выбирается странное, причудливое, абсолютизируется точность детали, человек воспринимается как единица текста;

2) «план содержания», описываемый в терминах абсурда, хаоса и пустоты, но с характерной для русской культуры тягой к целостности мировосприятия и норме;

3) органическое единство всех текстов Довлатова, реализуемое за счёт центрального героя его прозы – автора, который, вопреки реалистической традиции, не находится за пределами текста, а помещается в самый его центр со всеми биографическими подробностями, и таким образом лишается права судить своих героев, отходит в сторону и даёт высказаться другим.

Главный аргумент в пользу развёрнутой концепции эстетики Довлатова – сама эта книга, сделанная в соответствии с этими самыми принципами, отдельные фрагменты которой будто написаны самим её героем. А он – главный герой романа «Довлатов и окрестности» – явление весьма сложное: это реально существующий человек и одновременно литературный герой, художественный образ, созданный благодаря субъективному восприятию автора. Таким образом как раз и реализуется та самая «защита от фактов» и их эмоциональная авторская окраска, о которых говорилось в первой главе как о необходимых признаках литературы нон-фикшн, на которых так настаивает А. Генис. И это как раз и отличает рассматриваемый нами роман от таких книг как, например, «Когда случилось петь С.Д. и мне» литературоведа и первой жены Довлатова Аси Пекуровской или биографии из серии ЖЗЛ авторства Валерия Попова, построенных несколько иным образом, в частности, изобилующих конкретными фактами личной жизни писателя и легко прочитываемыми субъективными авторскими оценками.

Ещё одно отличие романа Гениса – нелинейное повествование (столь милое литераторам «формальной школы» 20-х годов XX века), смесь абсолютно бытовых подробностей и баек с литературным анализом, фрагментами искусствоведческих статей и сложной системой аллюзий.

Примечательно, что все книги и фильмы, посвящённые Сергею Довлатову, с которыми мы столкнулись, рассматривают его фигуру исключительно в историко-литературном контексте и являются, по сути,

произведениями не о нём, а о среде, в которой он формировался и жил. Так происходит и в филологическом романе «Довлатов и окрестности» – повествование переполнено персонажами из его окружения, представителями русской творческой интеллигенции последней трети XX века. Основу такому подходу заложил сам писатель, чья проза плотно привязана к месту, времени, личности, набита персонажами, имеющими реальных прототипов, и многократно варьирует факты его собственной биографии. В этом смысле Довлатов, относящийся к поколению «шестидесятников» и формировавшийся в их среде, но сам начинавший писать на исходе 1960-х годов, отталкивается от «исповедальной прозы» «оттепели», герой которой был литературной тенью своего поколения, его полномочным представителем.

Принадлежность к определённому поколению – очень важная характеристика личности. По Б. Г. Ананьеву, жизненный путь человека – «это история формирования и развития личности в определённом обществе, современника определённой эпохи и сверстника определённого поколения. <...> В процессе общественного воспитания и образования, то есть в процессе формирования людей данного поколения, складываются “типичные характеры эпохи”» [2].

Период существования СССР с 1922 по 1991 году и прилегающие к нему годы после победы Октябрьской социалистической революции в 1917 г. мы безусловно можем назвать эпохой, причём не только в жизни нашей страны, но и всего мира. Как уже говорилось выше, С. Д. Довлатов принадлежал к поколению «шестидесятников». Историческим контекстом, сформировавшим их взгляды, были годы сталинизма, Великая Отечественная война, итоги XX съезда КПСС и «Хрущёвская оттепель». Александр Генис младше героя своего произведения более чем на 10 лет. Себя он причисляет к «поздним “детям оттепели”».

К шестидесятым также применяется понятие «эпоха», так как период между Лениным и Хрущёвым провозглашался законченным эпизодом, за ним предполагалась коренная ломка общества, а также потому, что означенный

период объединён многими общими тенденциями, вследствие которых сформировался особый тип личности «шестидесятника». Начало этого периода датируется XXII съездом (1961 г.), принявшим программу построения коммунизма, а конец – оккупацией Чехословакии в 1968 году, воспринятой в СССР как крах всех надежд.

В связи с некоторым смягчением тоталитарного режима в эти годы, советским людям стали доступны достижения европейской и американской культуры. Наибольшее влияние на мировоззрение шестидесятников оказал Эрнест Хемингуэй. Формы восприятия жизни, данные в его прозе (и главным образом в романе «Фиеста»), стали примером для подражания. Ядром хемингуэевского стиля было новое отношение к материальному миру и идеям, из которых строился мир советского человека. А в романе «Довлатов и окрестности» последовательно проводится мысль о том, что именно отношение к этим самым идеям и, соответственно, к советской власти, отличало последнее советское поколение от предпоследнего. Последнее советское поколение боролось не с системой и ложными идеями, как их предшественники, а за право быть самими собой. Всё эти общие тенденции, а также факты личной биографии, сформировали мировоззрение и нашли отражение в прозе Сергея Довлатова и Александра Гениса.

Глава III. Методика освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах (на примере романа А. А. Гениса)

§ 3.1. Из опыта работы над понятием «личность и эпоха» в старших классах

Как уже неоднократно упоминалось в нашей работе, пространством взаимодействия личности и эпохи является жизненный путь. В литературоведении ему соответствует понятие «биография» (от греч. *bioz* – «жизнь» и *grapho* – «пишу»), жизнеописание. Её изучение – важный момент школьного преподавания литературы. Знание биографии, истоков творчества, мотивов написания произведения – это путь к писателю. В программе указан объём биографических сведений, необходимый для изучения той или иной темы: слово о писателе, очерк/краткий очерк жизни и творчества.

В старших классах без обращения к понятию «личность и эпоха» бывает невозможно постичь художественное произведение (например, при изучении романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» или романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). Профессор В. Г. Маранцман даже предлагает с IX класса написание сочинений историко-литературного направления, в том числе и касающихся интересующего нас понятия. Например, в IX классе после изучения повести А. Куприна «Поединок» предполагается сочинение на тему «Можно ли победить в поединке с жизнью и с самим собой?».

Учащиеся X-XI классов осваивают литературу в её движении, развитии, в контексте историко-литературного процесса и культурной жизни эпохи. Кроме того, жизненный путь великих сам по себе значителен и почти всегда является уроком исканий и прозрений. Биография писателя – это олицетворенное Время, этапы взросления человечества, его опыт, без которого прервётся духовная преемственность поколений.

Форма проведения уроков по изучению биографии разнообразна: лекция, доклад школьников, работа по учебнику, экскурсия, заочная экскурсия. Самый распространённый вариант, конечно, урок-лекция. Он может быть рассчитан на

1 – 3 часа (3 часа – только если лекция проводится для целой параллели). Обратная связь в таком случае организуется с помощью составления учащимися конспекта лекции, заполнения синхронистических таблиц, ответов на вопросы учителя.

Привлечь внимание к жизненному и творческому пути писателя помогает:

- работа с эпитафией (его цель – создать настроение, вызвать эмоции);
- рассказ о каком-то значительном эпизоде из жизни писателя (пример: сцена казни петрашевцев в начале изучения творчества Ф. М. Достоевского);
- отрывок из воспоминаний современника;
- отрывок из научно-популярной или документальной литературы;
- стихи о писателе;
- письмо писателя;
- личные впечатления учителя;
- приём ретроспективы (например, рассказ о Льве Толстом можно начать с эпизода его похорон);
- приём антитезы (то есть противопоставление одной судьбы другой).

В работе с биографией важна постановка проблемных вопросов, работа над планом, использование художественных текстов, поиск интересных для учеников аспектов, демонстрация сложности становления личности. Например, в учебнике по методике преподавания литературы под редакцией О. Ю. Богдановой [8] даётся такое тематическое планирование уроков о жизни и творчестве Л. Н. Толстого в X классе с учётом коллективных, групповых домашних и индивидуальных домашних и классных занятий:

№ урока	Содержание урока	Методы и приёмы учебной работы
1.	Детство, отрочество и юность Л. Толстого. Начало творчества.	Лекция учителя. Чтение отрывков из автобиографической трилогии — индивидуальные задания на карточках. Чтение

	Автобиографическая трилогия.	отзывов и воспоминаний о Толстом.
2.	Годы военной службы на Кавказе. «Севастопольские рассказы».	Сообщения учащихся (1-го ряда). Обзор преподавателя. Коллективный анализ эпизодов.
3.	Толстой в 50-60 г. Писатель, педагог. Общественная деятельность. Работа Толстого над романом «Война и мир». Мировоззрение и творчество писателя (кратко).	Сообщения учащихся (2-го ряда). Продолжение лекции преподавателя. Чтение учащимися отзывов читателей — современников Толстого и современных читателей (индивидуальные задания на карточках).
4.	Нравственные искания 70-80 гг.	Сообщение преподавателя. Работа с учебником и дополнительной литературой.
5.	Последний период в жизни и деятельности писателя. Уход из Ясной Поляны. Смерть.	Сообщения учащихся (3-го ряда). Обобщение учителя. Чтение отрывков из воспоминаний современников (индивидуальные задания на карточках). Сопровождающее чтение учащимися. Закрепление материала. Заочная экскурсия в Ясную Поляну, сопровождаемая показом наглядного материала (диапозитивы, диафильм, раздаточный материал).

Самостоятельная творческая работа учащихся (заочная экскурсия) проводится по трём групповым темам:

1. Жизнь Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.
2. По комнатам музея (зал, маленькая гостиная, кабинет писателя на 2-м этаже, секретарская («ремингтонная»), кабинет в комнате «под сводами», комната домашнего врача, флигель, в котором была школа).
3. Народная тропа к Толстому.

Тема формирования личности молодого человека, его мировоззренческих позиций раскрывается на основании аналитического чтения и интерпретации отдельных отрывков. Установить системные связи между частями изучаемой монографической темы должно помочь объяснение отношения писателя к

событиям времени, к народу, к истории, к подлинной ценности человеческой личности, что нашло воплощение в его художественных произведениях, в записях, в письмах к современникам. Важно, например, показать, что в пору отрочества герой автобиографической трилогии является человеком «избранного» круга. Не менее значимо донести до учащихся, что участие в Крымской войне 1854-1855 гг. дало писателю возможность увидеть народ в пору тяжелых испытаний, понять меру его самоотверженности и героизм. Именно в этот период Толстой приобрел тот опыт, который послужил основой его работы над романом «Война и мир».

Освоение понятия «личность и эпоха» может происходить не только на основании биографии писателя, но и на основе литературного образа и соответственно, за счёт вчитывания в текст произведения. На таких уроках (например, по роману «Обломов») можно показать основные компоненты литературного образа, в том числе и его идейный смысл, влияние исторических условий эпохи, социальной среды и воспитания на склад личности и характер героя. На занятиях по роману И. А. Гончарова «Обломов» также, как и на уроках по творчеству Л. Н. Толстого, актуально использование статей современников. А именно статьи Н. А. Добролюбова «Что такое обломовщина?».

Как уже говорилось выше, всесторонне раскрыты связи человека с эпохой в романах И. С. Тургенева. Им присущ глубокий историзм и критическое отношение к действительности. Перед тем, как приступить к «Отцам и детям», некоторые программы предполагают изучение романа «Рудин» (обзорно или на внеклассном чтении). Главная идейная задача в нём – раскрыть то ценное, передовое, что делало «лишнего человека» прогрессивным явлением в 40-е гг. и развенчать этот художественный тип с точки зрения потребностей русского общества середины 50-х гг. Данные положения конкретизируются в процессе краткого текстуального анализа эпизодов: первое появление Рудина в доме Ласунской (глава 3), первое свидание Рудина и Наталии (глава 7), сцена у

Авдюхина пруда (глава 9), прощальное письмо Рудина Наталье и его отъезд (глава 11), разговор о Рудине, эпилог (глава 12) .

В основу композиции романа положена задача постепенного раскрытия характера Рудина во всей его сложности и противоречивости. Перед учащимися ставится ряд вопросов:

- В чём главное назначение первой сцены?
- Как в третьей главе раскрывается характер Рудина?
- В чём сила Рудина?

Главное назначение диалога Рудина и Пигасова – показать духовное превосходство Рудина над окружающей средой. Его оружие – слово, и он умеет пользоваться им. Его речь вызывает восхищение слушающих, особенно Натальи и учителя Басистова. Именно в этом влиянии Рудина на молодёжь заключается его сила и едва ли не самое прогрессивное значение людей этого типа. Внимание Тургенева сосредотачивается на художественном исследовании идейно-нравственных качеств героя определенной эпохи и его приспособленности к полезной деятельности. Следует обратить внимание на противоречивые детали, характеризующие героя: с одной стороны, он показан человеком умным, одухотворенным, и вместе с тем, упоминаются его слабости – «жидкий блеск» в быстрых темно-синих глазах и тонкий голос, не соответствующий его росту и широкой груди. Платье ему явно мало, что свидетельствует о бедности. Следует также обратить внимание класса на два эпизода: 1) когда Рудин не совсем удачно, недостаточно красочно рассказывает о заграничных впечатлениях, зато увлекает слушателей рассуждениями о значении просвещения и науки; 2) когда Рудин подходит к Наталье и говорит с ней мягко и ласково, будто путешествующий принц – здесь видна авторская ирония. Методисты предлагают сравнить два объяснения Рудина и Натальи и определить роль пейзажа в этих сценах. Они противопоставляются с целью подчеркнуть полную неспособность Рудина к действию в условиях определённого порядка. Однако, в издании 1860 г. есть эпилог: смерть героя на баррикаде во время Французской революции 1848 г.

Подобным же образом всю сложность зависимости личности от социально-философских проблем эпохи демонстрируют на уроках по роману «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского (при разборе теории Раскольникова, её истоков и причин возникновения), драме «Гроза» А. Н. Островского, рассказам и пьесам А. П. Чехова и других темах.

Обобщённый в данном параграфе материал поможет нам при подготовке уроков о жизни и творчестве С. Д. Довлатова.

Без обращения к понятию «личность и эпоха» невозможно постичь и рассказы С. Довлатова. Обобщённый в данном параграфе материал подтверждает нашу гипотезу о том, что роман А. Гениса как нельзя лучше подходит для освоения данного понятия на занятиях о жизни и творчестве Сергея Довлатова в старших классах. Отрывки из романа послужат средством привлечения внимания к жизненному и творческому пути писателя, станут источником проблемных вопросов. Тема формирования личности, его мировоззренческих позиций будет раскрываться на основании аналитического чтения отдельных отрывков. Это должно помочь выявлению отношения писателя к событиям времени, народу, литературе и собственному творчеству.

§ 3.2. Произведения С. Довлатова в школьном изучении

В силу своих особенностей, главным образом, привязанности к месту, времени и личности творчество С. Д. Довлатова уместно для освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах. Это очень хорошо видно на материале конспектов уроков, которые нам удалось найти. Правда, его тексты в свои рабочие программы по литературе включают совсем немногие. Например, в программах под редакцией В. Я. Коровиной и В. Ф. Чертова их нет. В. Г. Маранцман рекомендует рассматривать сборник «Чемодан» в 9 классе на внеклассном чтении. В 11 классе к его творчеству предлагают обратиться составители программы под редакцией доктора филологических наук, профессора И. Н. Сухих. На изучение темы отводится 2 часа («С. Довлатов. Художественный мир прозы» и «"Чемодан": вещие вещи»). Относится она к

разделу «Советский век: на разных этажах (1940-1980-е)». Первый урок раздела – лекция, дающая общую характеристику литературного процесса этих лет. Соответственно, к моменту проведения уроков по творчеству Сергея Донатовича Довлатова у школьников уже должно быть представление об «оттепели», структуре литературного процесса «заморозков» 70-х, 80-х и «возвращённой литературе» [47].

В сети интернет мы нашли разработку занятия, соответствующего этому плану. Это конспект урока «Русская интеллигенция в испытаниях временем в сборнике рассказов С.Довлатова “Чемодан”», рассчитанного на 2 часа, учителя из Ханты-Мансийского автономного округа – Югра О. В. Хворовой. Предлагается осмыслить содержание сборника на примере нескольких рассказов и сравнить его с содержанием повести Ю.Трифонова «Обмен», которая по программе И. Н. Сухих рассматривается на предыдущем уроке. В ходе занятия следует ответить на вопросы о том, как отразилась в «Чемодане» эпоха застоя, каковы её приметы и реалии, каковы быт и бытие героя в этом социуме и каковы черты личности героя – «диссидентствующего индивидуалиста», каково мироощущение этого персонажа, чем отличается герой «Чемодана» от героя трифоновского «Обмена».

Урок начинается со слова учителя о биографии писателя и сборнике «Чемодан». Работа над рассказами ведётся в группах. Для анализа предлагаются «Креповые финские носки», «Номенклатурные полуботинки», «Приличный двубортный костюм» и «Поплиновая рубашка». Каждая группа обсуждает содержание доставшегося ей рассказа, выписывает приметы времени, зафиксированные в нём и характеристики (мотивы поступков) героев. Выводы оформляются в виде таблицы. Позже группы обмениваются результатами работы. По мере заполнения таблицы заранее назначенный учащийся рисует на доске схему «Герой и время», кратко излагая основные тезисы. Далее в ходе беседы учитель предлагает классу ответить на вопрос, почему герой «Чемодана» выбирает такой способ существования, и сравнить его с Дмитриевым из «Обмена». Результатом урока становится вывод о том, как

сохранить свою личность в условиях абсурдной действительности (после осмысления повестей «Обмен» и «Чемодан») [77].

Егорова Н. В. и Золотарева И. В. предлагают в своём методическом пособии для учителей разработку урока «"Новый автобиографизм" Сергея Довлатова». На него отводится 1 час. Он относится авторами к разделу «Литература последних десятилетий». Учитель в ходе мини-лекции должен дать краткий обзор прозы писателя, остановившись на его художественном методе. Далее в ходе аналитической беседы рассматривается рассказ «Когда-то мы жили в горах» из цикла «Демарш энтузиастов». Вопросы для анализа: особенности композиции, время и пространство в рассказе, сюжет, художественные приёмы, автор-повествователь и герои рассказа [33: 227-229].

В 2001 году в журнале «Литература» в рубрике «Я иду на урок» опубликована разработка Е. Тихомировой и О. Филатовой «О сапожных шнурках, глубоких истинах и писателе Довлатове» [75]. Для анализа авторы выбрали небольшие тексты С. Д. Довлатова на «литературные темы»: «Виктор Шкловский», «Иосиф Бродский» (из книги «Не только Бродский»), «Рыжий» (из книги «Ремесло»).

Урок начинается со слова учителя о том, что в литературе за внешней простотой нередко скрывается глубина и виртуозное писательское мастерство. После учитель зачитывает маленькую историю «Виктор Шкловский», в которой маститый советский литературовед отвечает Довлатову, почему он не говорит читателям всей правды: «Бессмысленно внушать представление об аромате дыни человеку, который годами жевал сапожные шнурки» [14]. Проводится параллель с позицией самого С. Д. Довлатова. По мнению авторов статьи, он был именно тем, кто шёл на риск в разговоре с читателем, привыкшим к вкусу «сапожных шнурков», и «расширял его вкусовой кругозор». Трактовать анекдот об Иосифе Бродском предлагается учащимся. В результате вводятся понятия «парадокс» и «абсурд». Таким образом, подготавливается почва для усвоения особенностей непритязательного на первый взгляд довлатовского стиля. Далее переходят к анализу фрагмента

книги «Ремесло» – «Рыжий», посвящённого тому же И. Бродскому. Учитель просит класс озвучить парадоксальные суждения героя (Дзержинский – жив, «Коминтерн» – это название музыкального ансамбля и т.д.). Обсуждается вопрос, можно ли в этом случае говорить о бунтарстве и романтической оппозиционности поэта по отношению к власти, как в случае М. Лермонтова или М. Цветаевой. Также учитель просит посчитать, сколько точек зрения представлено в этом фрагменте, то есть назвать участников сюжета. И неожиданно обнаруживается некто третий – «мы»: «Мы говорили о свободе творчества, о праве на информацию, об уважении к человеческому достоинству. Нами владел скептицизм по отношению к государству» [30: III: 29]. Об этом «мы» предлагается поговорить подробнее, связав его с афоризмом Нильса Бора («Истины бывают ясные и глубокие. Ясной истине противостоит ложь. Глубокой истине противостоит другая истина, не менее глубокая...» [30: III: 29]), данным в предшествующем абзаце. Следует подумать, так ли ясны «ясные истины», к приверженцам которых рассказчик относит себя. Класс переходит к анализу особенностей довлатовского стиля: построения фразы, синтаксиса, интонации. Возможно ввести термин «парцелляция». В конце урока делается вывод, что авторское «я» необходимо отделить от вышеупомянутого «мы» поколения, одержимого ясными истинами, так как его принципы сложнее и глубже. Продолжить беседу методисты предлагают обсуждением вопроса о различиях видения мира Довлатовым и Бродским.

В литературоведении неоднократно упоминалось, что в отличие от многих своих современников Сергей Довлатов, по большому счёту, не горел желанием кардинальным образом «перевернуть» литературу, а хотел продолжить опыт классиков. Его близкие и друзья вспоминали, что он с лёгкостью цитировал тексты И. Гончарова, А. Чехова, Л. Толстого, Ф. Достоевского и других. Этой теме посвящена серия публикаций Г. А. Доброзраковой в рубрике «Я иду на урок» в журнале «Литература» в 2006 году. Первый урок в 11 классе посвящён пушкинской теме в повести «Заповедник». Текст должен быть прочитан учащимися заранее. На дом учащимся даются

индивидуальные задания – сообщения о биографии писателя и истории создания повести «Заповедник». С них начинается занятие. Словарь урока: автобиографическая повесть, аллюзия, эпигон. За сообщениями следует анализ текста в ходе беседы.

Вопросы для обсуждения [28]:

- Опираясь на высказывание Сергея Довлатова («Я склоняюсь к более общей метафоре – заповедник, Россия, деревня, прощание с родиной»), объясните смысл названия произведения.

- Какой предстаёт жизнь в пушкинских местах? Как она отражает российскую действительность того времени? Общий вывод по вопросу: в заповеднике царят пошлость и обман, а это ведь олицетворение всего Советского Союза.

- Проследите, как развивается в повести мотив подмены подлинных ценностей фальшивыми.

- Как связан период жизни в заповеднике с судьбой автобиографического героя? Здесь нужно выйти на параллель «Алиханов-Пушкин».

- Что привлекает автора в творчестве Пушкина?

- Какие аллюзии к пушкинским текстам встречаются в повествовании?

В последующих номерах журнала были опубликованы уроки Галины Александровны Доброзраковой «Алиханов и Печорин. Автобиографический герой Сергея Довлатова – лишний человек Нового времени» (на материале повестей «Зона» и «Заповедник») и «Гоголевские традиции в повести Сергея Довлатова "Заповедник"».

В завершение анализа найденных публикаций хотелось бы рассказать ещё об одном варианте использования текстов писателя на школьных занятиях. В той же рубрике «Я иду на урок» журнала «Литература» мы нашли интереснейшую мастерскую построения знаний «Как понять текст?» авторства учителя из Санкт-Петербурга Татьяны Ерёминой. Задача её – научить понимать прочитанное и говорить об этом так, чтобы быть понятым другими. В качестве прозаических художественных текстов для «опытов» выбраны отрывки из

рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и сборника «Холодильник» С. Д. Довлатова. Дается задание прочитать отрывок и записать свои размышления о том, что обязательно нужно читателю, чтобы данный текст понять. Варианты ответов, публикуемые в статье, вызывают большой интерес [34]:

А. И. Солженицын	С. Д. Довлатов
<ul style="list-style-type: none"> • Знание контекста рассказа. • Понимание авторского замысла. • Толковый словарь и богатый собственный лексикон. • Исторический комментарий. • Понимание вариантной ненормированной лексики. 	<ul style="list-style-type: none"> • Знания об авторе. • <u>Контекст эпохи, исторические сведения.</u> • <u>Знание атмосферы общения русской интеллигенции.</u> • <u>Культурологический контекст: разница между восприятиями (мы — американцы).</u> • Чувство юмора, умение чувствовать иронию (невозможно без предыдущего условия). • Умение читать безоценочно, включать воображение, сопереживать. • Умение находить авторскую точку зрения. • Знание традиций классической русской литературы. • Знание имён, их культурного и нравственного смысла.

Обобщённый материал поможет нам построить свои уроки о жизни и творчестве С. Д. Довлатова и наиболее рационально использовать на них роман А. Гениса.

§ 3.3. Методическое решение урока по освоению понятия «личность и эпоха» на материале романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности»

Как уже было отмечено в предыдущем параграфе, творчество С. Д. Довлатова включают в свои программы далеко не все авторские коллективы и учителя-словесники. Мы будем опираться на УМК, разработанный под редакцией профессора И. Н. Сухих. Как мы помним, по этой программе на изучение темы отводится 2 урока.

Темы наших уроков мы обозначим так: «Личность и эпоха в романе А. Гениса “Довлатов и окрестности”» и «Рассказы из чемодана: автобиография поколения». Целесообразнее, на наш взгляд, провести их в один день, подряд.

Поэтому мы внесли их в одну технологическую карту, размещённую в Приложении 1.

Дома учащиеся должны прочитать две главы из филологического романа А. Гениса («Последнее советское поколение» и «Поэзия и правда»), а также рассказ С. Д. Довлатова «Шофёрские перчатки» из цикла «Чемодан» (именно его советуют взять для изучения на уроке в методических рекомендациях под редакцией В. Г. Маранцмана). Тексты даются учителем заранее с необходимыми сокращениями.

На уроке необходимо реализовать следующие *цели*:

1) обучающие: знакомство с творчеством С. Д. Довлатова и романом А. Гениса «Довлатов и окрестности», постижение идейно-художественного своеобразия прозы Довлатова, уяснение авторской позиции, формирование умения анализировать и интерпретировать художественный текст, освоение понятия «личность и эпоха» на материале филологического романа А. Гениса;

2) воспитывающие: выявление заложенных в произведении вневременных ценностей, развитие уважительного отношения к русской литературе, формирование понятия интеллигентность, свобода мысли и духа;

3) развивающие: развитие творческого воображения, речи, умения вести диалог.

Чтобы пробудить интерес к личности и творчеству С. Д. Довлатова, мы начинаем урок с интересного факта. Когда А. И. Солженицын вернулся на Родину и спросил, что интересного произошло в литературе в его отсутствие, ему дали 1 том сочинений Сергея Довлатова. Он прочёл его и задал свой вопрос повторно. Ему дали 2 том Довлатова. Когда он задал вопрос 3 раз, ему дали 3 том Довлатова. Довлатов был действительно культовым писателем конца XX века.

Следует уточнить, понятно ли учащимся выражение «культовый писатель». Желательно, чтобы они сами сформулировали, что культовым называют не просто успешного писателя, а того, чьи тексты настолько глубоко проникают в массовое сознание, что становятся частью языка, средством связи

между людьми, постоянно цитируются, чья судьба интересует людей не меньше, чем произведения. Далее учитель рассказывает, что в конце восьмидесятых Сергея Довлатова знал каждый, на любой жизненный случай находилась цитата из его произведения. И главное, в любом доме он был свой – «Серёга». По крайней мере, так было в его родном Ленинграде. И есть по сей день. Проиллюстрировать эти слова можно маленьким отрывком из документального фильма Азы Бабаян «Пять углов Довлатова». В нём рассказывается об отношении к Довлатову в современном Санкт-Петербурге (о том, что он и Бродский стали мемами).

На организационном этапе мы ставим перед учениками следующие *задачи*: поговорить о жизни и творчестве С. Д. Довлатова и рассмотреть понятие «личность и эпоха» на материале филологического романа Александра Гениса «Довлатов и окрестности», проанализировать рассказ «Шофёрские перчатки» из цикла «Чемодан».

На *этапе подготовки к восприятию нового материала (актуализации опорных знаний)* мы предлагаем просмотр ещё одного видеоролика – отрывка из видео проекта «Внеклассные чтения» (его реализует Еврейский музей и центр толерантности при поддержке Благотворительного фонда «САФМАР» и Министерства образования и науки РФ), где актёр Александр Филиппенко читает предисловие к циклу «Чемодан». В этом отрывке рассказывается об отъезде Довлатова за границу.

Вопросы для дальнейшей беседы:

1. Что вы поняли о герое рассказа?
2. Расскажите, что вы помните о судьбе Сергея Довлатова?
3. Как бы вы охарактеризовали Брежневское время? Почему Довлатову пришлось уехать?
4. Что значит «возвращённая литература»?

Выше мы писали, что по программе под редакцией И. Н. Сухих система уроков по творчеству С. Д. Довлатова относится к разделу «Советский век: на разных этажах (1940-1980-е)», первым занятием в котором является лекция,

дающая общую характеристику литературного процесса этих лет. На ней в числе прочего освещаются вопросы о времени «оттепели», структуре литературного процесса «заморозков» 70-х, 80-х и «возвращённой литературе». Урокам по творчеству С. Довлатова предшествуют занятия, посвящённые А. Твардовскому, А. Солженицыну, В. Шукшину, Н. Рубцову, В. Высоцкому, Ю. Трифонову. Соответственно историко-культурный контекст учащимся к этому моменту должен быть известен. В частности, по поводу «возвращённой литературы» они должны сказать, что термин появился в перестроечные годы, когда после падения «железного занавеса» в России стали массово печататься книги тех, кто раньше из-за цензурных ограничений напечатан быть не мог (А. Платонов, М. Булгаков, В. Гроссман), в том числе и писатели-эмигранты.

Ход урока:

1. *Изучение нового материала начинается со слова учителя о биографии писателя с элементами беседы (в ходе рассказа следует показать портрет С. Довлатова):*

Итак, мы вспомнили, что Сергей Довлатов – эмигрант третьей волны. Больше всего он хотел, чтобы его печатали и читали на Родине. Но этого не произошло. В 1978 году, в разгар антидиссидентских акций со стороны властей, Довлатов вынужден был покинуть Советский Союз и эмигрировать сначала в Вену, затем в США. В одном из писем он с горечью писал: «Они любят только мёртвых». Это стало своего рода пророчеством. 24 августа 1990 года его не стало. Громкая слава в России пришла к нему уже после смерти. Родился он в начале Великой Отечественной войны в эвакуации в Уфе. *А как принято называть поколение интеллигентов, родившихся между 1925 и 1945?* Их принято называть «шестидесятниками» или «детьми XX съезда». *Какие исторические события формировали их взгляды?* Историческим контекстом, сформировавшим их взгляды, были годы сталинизма, Великая Отечественная война, итоги XX съезда КПСС и эпоха «оттепели». В 1944 семья вернулась в Ленинград. Отец был администратором в театре, мать – актрисой. Но родители вскоре развелись, и мама Нора Сергеевна стала работать корректором, как и её

сестра Мара Довлатова, бывшая одним из лучших литературных редакторов в городе. В 1959 году Довлатов поступил на филологический факультет ЛГУ. Именно в эти годы он приобрёл большую часть своих друзей.

В 1961 году Сергей Довлатов был отчислен из университета за неуспеваемость. В июле 1962 призван в армию и отправлен в систему охраны исправительно-трудовых лагерей в Коми АССР. Этот период его жизни описан в книге «Зона. Записки надзирателя». Весной 1965 года демобилизовался, приехал в Ленинград он уже заряженным на писательство человеком. Начал работать в газете. Рукописи прозы журналы отклоняли. В 1972 году в надежде опубликоваться переехал в Таллин, самый европейский город Советского союза. Но и там ничего не вышло. Зато работая в газете «Советская Эстония», набрался впечатлений на сборник «Компромисс».

Учащиеся в это время делают записи в тетрадях.

2. *Далее начинается беседа по прочитанным дома главам романа «Довлатов и окрестности» с комментариями учителя.*

Вопросы для обсуждения и комментарии:

- *После выхода этой книги многие выведенные в ней лица очень обиделись. А почему так случилось, расскажете мне вы. Дома нужно было прочитать данные вам главы из книги А. Гениса «Довлатов и окрестности» – «Последнее советское поколение» и «Поэзия и правда».*

Дело в том, что Довлатов называет настоящие имена и фамилии своих героев и высмеивает их, выставляет в невыгодном свете.

- *Довлатов превратил своих эстонских коллег в героев анекдотов. Однако, совсем не все эти истории – правда. Сам Сергей Донатович называл свой метод «псевдодокументализмом». В романе есть авторское объяснение этого явления. Объясните это понятие цитатой из текста.*

Ожидаемый ответ: «Довлатов-рассказчик создает новый литературный жанр. Документальная фактура его рассказов – лишь обманчивая имитация. Автор не использует реальные документы. Он создает их художественными методами. То есть сама документальность – плод решения эстетической задачи.

И как результат – двойное воздействие. Убедительность фактографии помножается на художественный эффект» [17: 117-118].

– *Как соотносятся герои его прозы со своими прототипами?*

В исполнении Довлатова они крупнее, ярче и интереснее, чем в жизни.

– Свою собственную биографию Довлатов также превратил в литературное произведение, в неисчерпаемый источник абсурдных и трагикомических сюжетов. Версии одних и тех же событий своей жизни писатель многократно варьирует в своих текстах: семья – цикл «Наши»; учеба в университете, исключение из него, служба во внутренних войсках – «Зона»; первые литературные опыты, группа «Горожане», ленинградская литературная среда конца 1960-х годов – «Невидимая книга»; работа журналистом в Эстонии – цикл «Компромисс»; работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике – повесть «Заповедник»; эмиграция – «Филиал» и «Иностранка»; редакторство в газете «Новый американец» – «Невидимая газета». Сергей Довлатов стал родоначальником одного из течений постреализма, которое получило в критике название «новый автобиографизм».

– *Как объясняет Генис отказ Довлатова от вымысла? И почему он считает определение «импрессионистские рассказы» справедливым для его рассказов?*

Придумывание героев есть упрощение жизни. А у художников-импрессионистов он перенял метод – предпочтение минутного – вечному и понимание, что в каждом моменте скрывается полнота всей жизни.

– Как вы поняли, А. Генис и С. Довлатов познакомились в эмиграции. Первый приехал в Америку из Риги совсем молодым – в двадцать четыре, второму было уже под сорок. Центральная тема романа «Довлатов и окрестности» – исповедь последнего советского поколения, на котором кончилась советская власть, и третьей волны эмиграции, голосом которых, по мнению автора, стал именно Сергей Довлатов.

– *Почему именно его называют голосом поколения?*

Потому что именно он зафиксировал его в своей прозе со всеми радостями, горестями и коллективными ценностями – этическими приоритетами, ритуалами, реакциями на окружающее.

- Что объединило последнее советское поколение? Чем оно отличается от предыдущего?

Последнее советское поколение от предпоследнего отличало своеобразное отношение к советской власти. «Одни противопоставляли верные идеи ложным, другие вообще не верили в существование идей» [17: 24]. Последнее советское поколение боролось не с системой, а за право быть самими собой. Политические проблемы заменяются для них личными, экзистенциальными. Так довлатовские персонажи живут, как могут и не перекладывают вину за свои неудачи на режим, потому что, по Довлатову, абсурдна любая жизнь, а не только советская. Раньше писали о том, как идеи меняют мир, говорит А. Генис, теперь Довлатов пишет, как они его не меняют. «И идей нет, и меняться нечему» [17: 24]. А такая безыдейная жизнь деконцептуализирует власть и прежнюю этическую систему.

3. *Слово учителя:* Александр Генис пишет: «На нашем поколении мифы кончились. Довлатов это понимал, и вместо бесплодных попыток найти для жизни общий знаменатель он просто останавливался в торжественном недоумении перед галереей примечательных лиц, которые породила неутомимая в любви к гротеску советская власть» [17: 132-133]. Речь идёт о многочисленных чудаках, способных выжить только в условиях социалистической экономики (испытание рынком для многих закончилось летальным исходом): об авторах самиздата, художниках-нонконформистах, поэтах из котельных и кочегарок и многих других. Власть их не любила, но ведь замечала. Самим фактом преследования она оправдывала их существование. Всю эту публику увековечил Довлатов. Вот цитата из «Компромисса», герой приходит устраиваться работать в котельную и его знакомят с коллективом: «...публика у нас тут довольно своеобразная. Олежка, например, буддист. Последователь школы “дзен”. Ищет успокоения в

монастыре собственного духа... Худ – живописец, левое крыло мирового авангарда. Работает в традициях метафизического синтетизма. Рисует преимущественно тару – ящики, банки, чехлы... Ну, а я – человек простой. Занимаюсь в свободные дни теорией музыки. Кстати, что вы думаете о политональных наложениях у Бриттена?» [30: I: 404].

За двенадцать лет в Америке он издал двенадцать книг – то есть сделал то, чего ему не удалось за все прошедшие годы в России. Он описывал эмиграцию в её начальный период, со всеми её трудностями. Его герои часто глубоко разочарованные люди. Ведь жизнь уехавших часто складывалась по схеме «был в России режиссёром, стал в Америке таксистом». Но почти вся его проза всё равно была посвящена России. Это тоже характерная черта эмигрантской словесности. Как пишет Генис, её «составляет диалог со своим прошлым, который автор ведёт из чужого настоящего» [17: 241]. Так написана одна из лучших книг Довлатова «Чемодан».

4. Работа с эпиграфом (чтение статьи учебника):

- Книга начинается эпиграфом из А.Блока: «...Но и такой, моя Россия, / ты всех краев дороже мне...». Вспомним этот блоковский текст (он есть в учебнике).

- Продолжите, пожалуйста, чтение статьи учебника после стихотворения. Зачитайте фрагменты, касающиеся эпиграфа и заголовка.

5. Далее следует *просмотр двухминутного отрывка из документального фильма телеканала «История» – «Жизнь нелегка. Ваш Сергей Довлатов»*. Он подхватывает тему любви Довлатова к России, заложенную в эпиграфе к циклу. В этом отрывке ёмко и поэтично рассказано о его отношении к Петербургу, съёмках в роли Петра I. А после Василий Аксёнов рассказывает о своём любимом довлатовском рассказе – «Шофёрские перчатки».

6. В ходе беседы анализируется данный рассказ.

Вопросы:

- Как называется жанр, в котором пересказал содержание рассказа Василий Аксёнов?

- Да, это анекдот, причем не только в современном смысле слова (короткая история с неожиданной концовкой), но и в пушкинском понимании. Помните, он говорит в «Евгении Онегине», что герой хранил в памяти «дней минувших анекдоты»? Что он имел в виду?

В пушкинском понимании «дней минувших анекдоты» – это примечательные, характерные истории, отражающие какие-то существенные черты известных людей и исторической эпохи.

- Попробуйте пересказать в форме анекдота другой эпизод рассказа?

- Сделайте вывод об особенностях композиции рассказа?

- Как оказался Довлатов в костюме Петра I у пивной? В чём фабула рассказа?

- Чьим однофамильцем является этот незадачливый режиссёр? Почему именно эту фамилию даёт герою Довлатов? Как она соотносится с сюжетом рассказа?

Вольмар Антон фон Шлиппенбах – генерал-майор шведской армии, участвовал в битве при Полтаве (1709) и попал в плен. Одним из сюжетов фильма, задуманного журналистом, было обличение пьянства, как порока, присущего советским людям. Шлиппенбах хочет показать антагонизм царя Петра и пьющего народа. Но когда агрессия толпы нарастает, он нешуточно пугается и попадает «в плен» к Петру-Довлатову, который вместе со всеми встаёт в очередь. «Пропили Россию, гады!..», – говорит человек, который в следующую минуту будет вместе со всеми пить пиво.

- Что задумывал снять Шлиппенбах? О каких язвах времени идёт речь? А что из этого получилось?

- Перечислите другие абсурдные эпизоды рассказа.

Абсурд в рассказе: герой ожидает увидеть на Ленфильме фабрику советских грёз, а видит канцелярию; Чипа работает костюмером на Ленфильме со знаменитыми актёрами и режиссёрами, а скучает по зэкам Сивому, Мотылю и Паровозу; костюмированный Пётр I прогуливается вдоль кунсткамеры и т.д.

- Так о чём же этот рассказ? Сформулируйте тему (человек в абсурдном мире).

На обобщающем этапе необходимо подвести итоги, тем самым отметив выполнение задач, поставленных перед школьниками в начале урока. Ответим на несколько вопросов:

- В «Записных книжках» Довлатов делит авторов на: рассказчиков, прозаиков и писателей. Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик – о том, как должны жить люди. Писатель – о том, ради чего живут люди. К какой категории вы бы отнесли самого Довлатова? Обоснуйте своё решение.

- Чьи традиции продолжает Довлатов? На какого классика это похоже? (Чехов).

- Что необходимо знать, чтобы понимать прозу Довлатова? Насколько важен исторический контекст?

- Вспомните тему нашего урока: «Личность и эпоха» в романе А. Гениса «Довлатов и окрестности». Какое место занимает это понятие в романе?

Рефлексия осуществляется с помощью ответа на вопросы: «Всё ли понятно?», «Остались ли какие-то вопросы?». Учащиеся могут задать учителю вопросы по пройденному материалу, если таковые возникнут.

Дома учащиеся по желанию могут написать небольшую историю в довлатовском стиле, рассказывающую анекдот нашего времени.

Вывод по третьей главе

В данной главе мы проанализировали рекомендации по изучению понятия «личность и эпоха» в школе. Его освоение возможно как на основе монографических уроков о жизни и творчестве того или иного писателя (в качестве примера мы рассмотрели тематическое планирование уроков о жизни и творчестве Л. Н. Толстого из учебника по методике преподавания литературы под редакцией О. Ю. Богдановой), так и на основе литературного образа, за счёт вчитывания в текст художественного произведения (мы рассмотрели данный способ на пример изучения романа И. С. Тургенева «Рудин»).

Из конспектов уроков, которые нам удалось найти видно, что творчество С. Д. Довлатова, чётко привязанное к месту, времени и личности, как нельзя лучше подходит для освоения понятия «личность и эпоха» в старших классах. Правда, его тексты в свои рабочие программы по литературе включают совсем немногие. Нам удалось обнаружить лишь две: В. Г. Маранцман рекомендует рассматривать сборник «Чемодан» в 9 классе на внеклассном чтении, а в 11 классе к его творчеству предлагают обратиться составители программы под редакцией И. Н. Сухих. Этот авторский коллектив отводит на изучение творчества этой темы два часа. В сети интернет мы нашли разработку занятия, соответствующего этому плану. Это конспект урока «Русская интеллигенция в испытаниях временем в сборнике рассказов С. Довлатова “Чемодан”» учителя из Ханты-Мансийского автономного округа – Югра О. В. Хворовой. Также конспект занятия на тему «”Новый автобиографизм” Сергея Довлатова» мы отыскали в методическом пособии Егоровой Н. В. и Золотаревой И. В. Ещё несколько замечательных разноплановых конспектов, рассматривающих сочинения Довлатова на «литературные темы» и в контексте русской классики, мы нашли в рубрике «Я иду на урок» журнала «Литература».

Данный обзор помог нам в разработке собственных уроков: «Личность и эпоха в романе А. Гениса “Довлатов и окрестности”» и «Рассказы из чемодана: автобиография поколения». Для анализа берётся рассказ «Шофёрские перчатки» из цикла «Чемодан».

Заключение

Целью нашего исследования было определить место и роль филологического романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности» в освоении понятия «личность и эпоха» в старших классах. *Цель обусловила ряд задач, которые мы последовательно выполнили:*

1. С учётом анализа сложившейся в литературоведческой науке традиции трактовки жанра филологического романа и на основе статей относительно этого вопроса самого Александра Гениса определены конститутивные жанровые признаки: герой – творческая личность, литератор, но не выдуманный персонаж-тип, а живой человек, не подчиняющийся воле автора; биография автора, биографии коллег по цеху и перипетии литературной жизни превращаются в сюжетное пространство литературного произведения, в границах которого появляется возможность декларировать индивидуальные особенности авторского стиля и проводить литературные эксперименты; личность плотно запечатлена в своём времени; автор выступает в нескольких ролях: как писатель, историк, литературовед и культуролог; художественная реальность создаётся силой авторского дарования на основе тщательно отобранных, эмоционально окрашенных фактов, а не вымышленного сюжета; сверхзадача – реконструкция, объединение писателя с его текстами; сознательное обнажение автором литературного приёма – раскрываются секреты творческой лаборатории художника, создаётся атмосфера импровизации; определённая мера свободы от нормативов академического литературоведения в авторской трактовке является основополагающей, что также делает их естественно привязанными ко времени создания.

2. Проанализированы идейно-художественные особенности романа А. А. Гениса «Довлатов и окрестности»: многоуровневость повествования; интимность (так как книга посвящена артистической сущности Довлатова, которая является главной составляющей личности этого человека); субъективизм; опыт реконструкции образа писателя – развёртывание концепции эстетики Довлатова и выстраивание романа на её основе;

нелинейность (синтетическая структура) повествования; анализ образа главного героя с учётом исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути.

3. Обозначено место данного романа в истории русской словесности (традиции и новаторство). Проанализировав идейно-художественные особенности книги «Довлатов и окрестности», мы пришли к выводу, что роман, написанный в лучших традициях литературы нон-фикшн и органично продолжающий традиции экспериментальной филологической прозы 20-х годов XX века, способствовал кристаллизации нового, ни на что не похожего жанра филологического романа. Книга «Довлатов и окрестности» является идеальным опытом реконструкции писательского образа – становится воплощением основных принципов поэтики его произведений.

4. Исследована и обобщена литература об уже имеющемся опыте работы над понятием «личность и эпоха» в старших классах (мы обратились к методическим рекомендациям под редакцией В. Г. Маранцмана и учебнику по методике преподавания литературы под редакцией О. Ю. Богдановой), а также методике проведения уроков по жизни и творчеству С. Д. Довлатова. Его произведения в свои рабочие программы по литературе включают совсем немногие. В программах под редакцией В. Я. Коровиной и В. Ф. Чертова мы этой темы не нашли. В. Г. Маранцман рекомендует рассматривать сборник «Чемодан» в 9 классе на внеклассном чтении. В 11 классе к его творчеству предлагают обратиться составители программы под редакцией доктора филологических наук, профессора И. Н. Сухих. Мы проанализировали разработку занятия, соответствующую этому плану: это конспект урока «Русская интеллигенция в испытаниях временем в сборнике рассказов С. Довлатова “Чемодан”», рассчитанного на 2 часа (автор – учитель из Ханты-Мансийского автономного округа – Югра О. В. Хворова). Также в поисках публикаций, освещающих опыт проведения школьных уроков, посвящённых Довлатову, мы обратились к журналу «Литература» и в рубрике «Я иду на урок» нашли несколько интересных конспектов. Ещё одну разработку урока с

названием «"Новый автобиографизм" Сергея Довлатова» мы взяли для анализа из методического пособия Н. В.Егоровой и И. В. Золотарёвой.

5. На основе полученных знаний мы разработали уроки по творчеству С. Д. Довлатова, направленные на освоение понятия «личность и эпоха» на материале романа А.А. Гениса «Довлатов и окрестности» – «Личность и эпоха в романе А. Гениса "Довлатов и окрестности"» и «Рассказы из чемодана: автобиография поколения».

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. Т.1. – 1980. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=ananyev_izbrannye-trudy_t1_1980&bookhl
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://www.dou4sun.ru/files/File/biblioteka_ananiev-man-reflection.pdf
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: учебник. – 4-е изд., испр. – М.: Смысл; Академия, 2010. – 448 с.
4. Афанасьева А. Н. Личность как субъект жизненного пути // Молодой ученый. — 2013. — №10. — С. 475-478.
5. Байбатырова Н. М. Авторские жанры публицистики П. Вайля и А. Гениса. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/avtorskie-zhanry-publitsistiki-p-vaylya-i-a-genisa>
6. Байбатырова Н. М. Жанрово-стилистическое своеобразие филологического романа А. Гениса «Довлатов и окрестности» // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: [http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI%20\(44\)%202012/110-116.pdf](http://asu.edu.ru/images/File/Izdatelstvo/GI%20(44)%202012/110-116.pdf)
7. Битов А. Г. Пушкинский дом: Роман. – М.: Современник, 1989. – 399 с.
8. Богданова О. Ю., Леонова С. А., Чертов В. Ф. Методика преподавания литературы. – М.: Академ А., 1999. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://samlib.ru/m/molina_m_a/metodika_lit.shtml
9. Брагинская Н. Филологический роман. Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. – 1991. – № 3. – С. 134-144.
10. Бродский И. О Сереже Довлатове. — Журнал «Звезда», № 2, 1992. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://sergeidovlatov.com/books/brodsky.html>

11. Вайль П. Генис А. Интервенция (Глава из книги «60-е. Мир советского человека») // Иностранная литература. – 1991. – № 2. – С. 236 – 251.
12. Вайль П. Генис А. Искусство автопортрета// Звезда. – 1994. – № 3. – С. 177 – 180.
13. Веллер М. Ножик Сережи Довлатова. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lib.ru/WELLER/dovlatov.txt>
14. Волкова М., Довлатов С. Не только Бродский. – РИК «Культура», 1992. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://biography.wikireading.ru/64769>
15. Выгодский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
16. Гарифзянова А. Р. Человек в различных исторических эпохах (социально-философский аспект). [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.egpu.ru/lib/elib/Data/Content/128275698492484006/Default.aspx>
17. Генис А. Довлатов и окрестности. Филологический роман. – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2016. – 304 с.
18. Генис А.А. Фотография души. В окрестностях филологического романа // Звезда. – Спб., 2000. – № 9. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/9/genis.html>
19. Гинзбург Л. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. – М., 1970. – №7. – С. 62-91.
20. Гинзбург Л. О психологической прозе. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://modernlib.net/books/ginzburg_lidiya/o_psihologicheskoy_proze/read/
21. Голобоков В. Г. Личность, история, образование // Свободная мысль. – 2004. – №2. – С. 93-104.
22. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://e-libra.ru/read/142817-slovar-prakticheskogo-psixologa.html>
23. Гребенчук Я. С. Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда, «Одержимость» А. Байетт) // Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья. –

- Воронеж, 2008. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://docviewer.yandex.ru/view/494420806/?*=
24. Григорович Л.А. Марцинковская Т.Д. Педагогика и психология: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 480 с.
25. Доброзракова Г. А. Алиханов и Печорин. Автобиографический герой Сергея Довлатова – лишний человек Нового времени // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2006. – № 12. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601214>
26. Доброзракова Г. А. Гоголевские традиции в повести Сергея Довлатова "Заповедник" // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2006. – № 13. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601315>
27. Доброзракова Г. А. Поэтика С.Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX-XX веков//Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. – М., 2012. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/poetika-sd-dovlatova-v-kontekste-traditsii-russkoi-literatury-xix-xx-vekov>
28. Доброзракова Г. А. Пушкинская тема в повести Сергея Довлатова «Заповедник». // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2006. – № 11. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200601109>
29. Доброзракова Г. А. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы (обзор исследований). [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tvorchestvo-s-dovlatova-v-kontekste-traditsiy-russkoy-literatury-obzor-issledovaniy>
30. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / Сергей Довлатов; сост. А. Арьев. – Спб.: Азбука, Азбука – Атрикус, 2016. – 464 с.

31. Дружников Ю. Летописец Брайтон-бич (Воспоминания о Сергее Довлатове). [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lib.ru/PROZA/DRUZHNIKOV/Letopisets.txt>
32. Дулова С.А. Тип эмигранта в произведениях С. Довлатова. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tip-emigranta-v-proizvedeniyah-s-dovlatova>
33. Егорова Н.В., Золотарева И.В. Поурочные разработки по русской литературе XX века. 11 класс. II полугодие. – 3-е изд., исп. и доп. – М.: ВАКО, 2004. – 368 с.
34. Ерёмина Т. Как понять текст? Мастерская построения знаний // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2008. – № 8. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200800811>
35. Ефимов И. Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса // Звезда. – Спб., 2000. – № 1. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/1/efimov.html>
36. Ефимов И. Сергей Довлатов как зеркало российского абсурда // Дружба народов. – М., 2000. – № 2. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/2/efimov.html>
37. Зощенко М. М. О себе, о критиках и о своей работе // Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л., 1928. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://imwerden.de/pdf/zoshhenko_stati_i_materialy_academia_1928_text
38. Каверин В. «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». – М.: Художественная литература, 1980. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://royallib.com/book/kaverin_veniamin/skandalist_ili_vechera_na_vasilevskom_ostrove.html
39. Карабчиевский Ю. А. Воскресение Маяковского. – М.: ЭНАС, 2008. – 320 с.
40. Карабчиевский Ю. А. Филологическая проза // Новый мир. – М., 1993. – № 10. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/1993/10/karab.html
41. Ковалова А., Лурье Л. Довлатов. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://coollib.net/b/188380/read>

42. Кудрин О. Довлатов как культ // Новый мир. – М., 2014. – № 1. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/1/11k.html
43. Ладохина О.Ф. Филологический роман как явление историко-литературного процесса XX века. //Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. — Северодвинск, 2009. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/filologicheskij-roman-kak-javlenie-istoriko-literaturnogo-processa-xx-veka.html>
44. Ладохина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века? – М.: Водолей, 2010. – 168 с.
45. Ланин Б.А. Современная литература в школе XXI века. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennaya-literatura-v-shkole-xxi-veka>
46. Липовецкий М. Критика как приём // НЛО. – М., 2000. – № 44. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/44/lipovec-pr.html>
47. Литература. Программа для 10-11 классов // под. ред. И. Н. Сухих. – М.: Академия, 2013.
48. Литература: учебник для 11 класса: среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2 ч. Ч.2. / И. Н. Сухих. – М.: Издательский центр «Академия». [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://scribble.su/school-literature/lit-11-suxix/index.html>
49. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://pedlib.ru/Books/1/0062/1_0062-112.shtml
50. Лосев Л. В. Александр Генис. Довлатов и окрестности // Знамя. – М., 1999. – № 11. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/11/losev-pr.html>
51. Маранцман В. Г. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-9 классы. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://www.sinykova.ru/biblioteka/maranz_lit_5-9_kl/index.html

52. Маранцман В. Г. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 10-11 классы. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://www.sinykova.ru/biblioteka/marancman_literat_10-11_program/index.html
53. Маркова Т. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопросы литературы. – М., 2011. – № 1. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/1/ma15-pr.html>
54. Марьина О.В. Образ автора прозаических художественных текстов 1990-2000 гг. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/obraz-avtora-prozaicheskikh-hudozhestvennyh-tekstov-1990-2000-gg>
55. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. – М.: Совпадение, 2007. – 327 с.
56. Мясников В. И слово всегда буде(и)т мысль // Новый мир. – М., 2001. – № 5. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/5/obz_myas.html
57. Новиков В. И. Роман с языком, или Сентиментальный дискурс. – М.: Аграф, 2001. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: https://royallib.com/book/novikov_vladimir/roman_s_yazikom_ili_sentimentalnyi_diskurs.html
58. Новиков В. И. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. – М., 1999. – № 10. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik.html
59. Новиков В. И. «Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии» // Новый мир. – М., 2001. – № 6. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/6/nov.html
60. Пекуровская А. Когда случилось петть С.Д. и мне. Сергей Довлатов глазами первой жены. – Спб.: SYMPOSIUM, 2001. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://www.belousenko.com/books/memoirs/pekurovskaya_dovlatov.htm

61. Петрова Н.А. «Филологический роман» как свод маргинальных текстов (три книги о Сергее Довлатове). [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.rfp.psu.ru/archive/1.2016/petrova.pdf>
62. Попова И.М. Литература конца XX века в свете теории художественного высказывания. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/literatura-kontsa-xx-veka-v-svete-teorii-hudozhestvennogo-vyskazyvaniya>
63. Попов В. Г. Довлатов. – 3-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 355 [13] с.
64. Потапов И. Александр Генис. Довлатов и окрестности // Русский журнал (ежедневное сетевое издание). [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://old.russ.ru/krug/kniga/19990823.html>
65. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 классы (базовый уровень). 10-11 классы (профильный уровень) // под ред. В. Я. Коровиной. – 9-е изд. – М.: Просвещение, 2007.
66. Разумова А. Путь формалистов к художественной прозе // Вопросы литературы. – М., 2004. – № 3. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2004/3/raz6.html>
67. Разумова А.О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика//Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. — М., 2005. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/filologicheskij-roman-v-russkoj-literature-xx-veka.html>
68. Реан А. А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. – СПб.: Еврознак, 2004. – 416 с.
69. Рейн Е. Мне скучно без Довлатова. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://coollib.net/b/225499>
70. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL:

http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?book=rubinshteyn_osnovy-obschey-psihologii_t2_1989&bookhl=

71. Соловьев В. Три портрета: Шемякин, Довлатов, Бродский. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: http://lib.ru/NEWPROZA/SOLOWIEW_W/portrety.txt
72. Степанова И.М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: cyberleninka.ru/article/n/filologicheskiy-roman-kak-promezhutochnaya-slovesnost-v-russkoy-proze-kontsa-xx-veka
73. Сухих И. Н. Довлатов: время, место, судьба. – Спб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. – 280 с.
74. Тихонов С., Тихонова А. Модель государства – лагерь? Читаем повесть «Зона» и нью-йоркские письма Сергея Довлатова // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2007. – № 18. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200701810>
75. Тихомирова Е., Филатова О. «О сапожных шнурках, глубоких истинах и писателе Довлатове» // Литература. – М.: Издательский дом «Первое сентября», 2001. – № 33. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200103303>
76. Толстая Т. Кот и окрестности // Толстая Т. Девушка в цвету (сборник). – М., АСТ, 2015. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://elibra.ru/read/375181-devushka-v-cvetu-sbornik.html>
77. Хворова О. В. Конспект урока по литературе. 11 класс. С. Довлатов. «Чемодан». [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2014/11/04/konspekt-uroka-po-literature-11-klass-s-dovlatov-chemodan>
78. Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды. – М.: ПРОЗАиК, 2014. – 720 с.
79. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <http://www.e->

reading.club/chapter.php/101082/405/Chuprinin -

[Russkaya literatura segodnya. Zhizn%27 po ponyatiyam.html](http://Russkaya_literatura_segodnya.Zhizn%27_po_ponyatiyam.html)

80. Шкловский В. Б. Гамбургский счет. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://e-libra.ru/read/250716-gamburgskiy-schet-stat-i-vozpominaniya-esse-1914-1933.html>
81. Шкловский В. Б. ZOO, или Письма не о любви, или третья Элоиза // Тынянов Ю. Н., Шкловский В. Б. / Сост., предисл., В. И. Новиков; коммент. Б. О. Костелянца, А. Ю.Галушкина, В. В. Нехотина; худож. В. В. Медведев. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2001. – С. 642 – 699.
82. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. [Электронный ресурс]. Код доступа: URL: <https://www.litmir.co/br/?b=245724>

Приложение 1.

Технологическая карта урока

Учебный предмет	Литература
Класс	11
Тема урока	Урок 1. Личность и эпоха в романе А. Гениса «Довлатов и окрестности». Урок 2. Рассказы из чемодана: автобиография поколения.
Тип урока	синтетический
Цель урока	1) обучающие: знакомство с творчеством С. Д. Довлатова и романом А. Гениса «Довлатов и окрестности», постижение идейно-художественного своеобразия прозы Довлатова, уяснение авторской позиции, формирование умения анализировать и интерпретировать художественный текст, освоение понятия «личность и эпоха» на материале филологического романа А. Гениса; 2) воспитывающие: выявление заложенных в произведении вневременных ценностей, развитие уважительного отношения к русской литературе, формирование понятия интеллигентность, свобода мысли и духа; 3) развивающие: развитие творческого воображения, речи, умения вести диалог.
Основные термины и понятия	личность и эпоха, «возвращённая литература», новый автобиографизм, анекдот, фабула, абсурд.
Образовательные ресурсы	учебник литературы под редакцией И.Н. Сухих, отрывки из романа А. Гениса «Довлатов и окрестности», рассказ С. Д. Довлатова «Шофёрские перчатки», отрывок из видео проекта «Внеклассные чтения» (А. Филиппенко читает Довлатова), портреты С. Д. Довлатова и А. Гениса, док. фильм Азы Бабаян «Пять углов Довлатова» (отрывок), отрывок из док. фильма телеканала «История» - «Жизнь нелегка. Ваш Сергей Довлатов».

Планируемые результаты		
<p><i>Предметные результаты</i></p> <ul style="list-style-type: none"> понимание связи литературного произведения с эпохой его написания, выявление заложенных в произведении вневременных ценностей; умение анализировать лит.произведение, формулировать его тему, идею, пафос; умение характеризовать героя произведения; 	<p><i>Личностные результаты</i></p> <ul style="list-style-type: none"> совершенствование духовно-нравственных качеств учащихся: формирование понятия о внутренней интеллигентности, свободе мысли и духа; 	<p><i>Метапредметные результаты</i></p> <ul style="list-style-type: none"> умение выдвигать и подбирать аргументы для подтверждения собственной позиции, формулировать выводы, вести диалог; умение использовать для решения познавательных и коммуникативных задач

				числе и писатели-эмигранты.
Этап 3. Изучение нового материала –67 мин.				
<ul style="list-style-type: none"> • Восприятие на слух литературного произведения; • использование для решения познавательных задач различных источников информации; • умение выдвигать и подбирать аргументы для подтверждения собственной позиции, формулировать выводы, вести диалог (с текстом, учителем, учениками); • совершенствование духовно-нравственных качеств учащихся 	Портрет С. Д. Довлатова	<p>Слово учителя с элементами беседы:</p> <p>- Итак, мы вспомнили, что Сергей Довлатов – эмигрант третьей волны. Больше всего он хотел, чтобы его печатали и читали на Родине. Но этого не вышло. В 1978 году, в разгар антидиссидентских акций со стороны властей, Довлатов вынужден был покинуть Советский Союз и эмигрировать сначала в Вену, затем в США. В одном из писем он с горечью писал: «Они любить умеют только мёртвых». Это стало своего рода пророчеством. 24 августа 1990 года его не стало. Громкая слава в России пришла к нему уже после смерти. Родился он в начале Великой Отечественной войны в эвакуации в Уфе. <i>А как принято называть поколение интеллигентов, родившихся между 1925 и 1945?</i> Их принято называть «шестидесятниками» или «детьми XX съезда». <i>Какие исторические события формировали их взгляды?</i> Историческим контекстом, сформировавшим их взгляды, были годы сталинизма, Великая Отечественная война, итоги XX съезда КПСС и эпоха «оттепели». В 1944 семья вернулась в Ленинград. Отец был администратором в театре, мать – актрисой. Но родители вскоре развелись, и мама Нора Сергеевна стала работать корректором, как и её сестра Мара Довлатова, бывшая одним из лучших</p>	И/Ф	Слушают и осмысливают сказанное учителем. Отвечают на вопросы. Делают записи в тетрадях.

	<p>Фото во время службы</p> <p>Фото А. Гениса с С. Довлатовым</p>	<p>литературных редакторов в городе. В 1959 году Довлатов поступил на филологический факультет ЛГУ. Именно в эти годы он приобрёл большую часть своих друзей. В 1961 году Сергей Довлатов был отчислен из университета за неуспеваемость. В июле 1962 призван в армию и отправлен в систему охраны исправительно-трудовых лагерей в Коми АССР. Этот период его жизни описан в книге «Зона. Записки надзирателя». Весной 1965 года демобилизовался, приехал в Ленинград он уже заряженным на писательство человеком. Начал работать в газете. Рукописи прозы журналы отклоняли. В 1972 году в надежде опубликоваться переехал в Таллин, самый европейский город Советского союза. Но и там ничего не вышло. Зато работая в газете «Советская Эстонии», набрался впечатлений на сборник «Компромисс».</p> <p>Беседа по главам романа «Довлатов и окрестности» с комментариями учителя:</p> <ul style="list-style-type: none"> - После выхода этой книги многие выведенные в ней лица очень обиделись. А почему так случилось, расскажете мне вы. Дома вам нужно было прочитать данные вам главы из книги А. Гениса «Довлатов и окрестности» - «Последнее советское поколение» и «Поэзия и правда». - Довлатов превратил своих эстонских коллег в героев анекдотов. Однако, совсем не все эти истории – правда. Сам Сергей Донатович 	<p>Ф/И</p>	<p>Работают с текстом романа и отвечают на вопросы. Делают записи в тетрадях.</p> <ul style="list-style-type: none"> - Довлатов называет настоящие имена и фамилии своих героев и высмеивает их, выставляет в невыгодном свете. - «Довлатов-рассказчик создает новый литературный жанр. Документальная фактура его рассказов — лишь обманчивая
--	---	--	------------	--

		<p>называл свой метод «псевдодокументализмом»? В романе есть авторское объяснение этого явления. Объясните это понятие цитатой из текста.</p> <p>- Как соотносятся герои его прозы со своими прототипами?</p> <p>- Свою собственную биографию Довлатов также превратил в литературное произведение, в неисчерпаемый источник абсурдных и трагикомических сюжетов. Версии одних и тех же событий своей жизни писатель многократно варьирует в своих текстах: семья – цикл «Наши»; учеба в университете, исключение из него, служба во внутренних войсках – «Зона»; первые литературные опыты, группа «Горожане», ленинградская литературная среда конца 1960-х годов – «Невидимая книга»; работа журналистом в Эстонии – цикл «Компромисс»; работа экскурсоводом в Пушкинском заповеднике – повесть «Заповедник»; эмиграция – «Филиал» и «Иностранка»; редакторство в газете «Новый американец» – «Невидимая газета». Дело в том, что Сергей Довлатов стал родоначальником одного из течений постреализма, которое получило в критике название «<i>новый автобиографизм</i>».</p> <p>- Как объясняет Генис отказ Довлатова от вымысла? И почему он считает определение «импрессионистские рассказы» справедливым для его рассказов?</p>		<p>имитация. Автор не использует реальные документы. Он создает их художественными методами. То есть сама документальность — плод решения эстетической задачи. И как результат — двойное воздействие.</p> <p>Убедительность фактографии помножается на художественный эффект».</p> <p>- В исполнении Довлатова они крупнее, ярче и интереснее, чем в жизни.</p> <p>- Придумывание героев есть упрощение жизни. А у художников-импрессионистов он перенял метод – предпочтение минутного – вечному и понимание, что в каждом моменте скрывается полнота всей жизни.</p> <p>- Потому что именно он зафиксировал его в своей прозе со всеми радостями, горестями и коллективными ценностями – этическими приоритетами, ритуалами, реакциями на окружающее.</p> <p>- Последнее советское поколение от предпоследнего отличало своеобразное отношение к советской власти. «Одни противопоставляли верные идеи</p>
--	--	--	--	--

		<p>- Как вы поняли, А. Генис и С. Довлатов познакомились в эмиграции. Первый приехал в Америку из Риги совсем молодым – в двадцать четыре, второму было уже под сорок. Центральная тема романа «Довлатов и окрестности» – исповедь последнего советского поколения, на котором кончилась советская власть, и третьей волны эмиграции, голосом которых, по мнению автора, стал именно Сергей Довлатов.</p> <p>- Почему именно его называют голосом поколения?</p> <p>- Что объединило последнее советское поколение? Чем оно отличается от предыдущего?</p> <p>Слово учителя:</p> <p>- Александр Генис пишет: «На нашем поколении мифы кончились. Довлатов это понимал, и вместо бесплодных попыток найти для жизни общий знаменатель он просто останавливался в торжественном недоумении перед галереей примечательных лиц, которые породила неутомимая в любви к гротеску советская власть»[17: 132-133]. Речь идёт о многочисленных чудаках, способных выжить только в условиях социалистической экономики: об авторах самиздата, художниках-нонконформистах, поэтах из котельных и кочегарок и многих других. Власть их не любила, но ведь замечала. Самим фактом преследования она оправдывала их существование. Всю эту публику увековечил</p>	И	<p>ложным, другие вообще не верили в существование идей» [17: 24]. Последнее советское поколение боролось не с системой, а за право быть самими собой. Политические проблемы заменяются для них личными, экзистенциальными. Так довлатовские персонажи живут, как могут и не перекладывают вину за свои неудачи на режим, потому что по Довлатову абсурдна любая жизнь, а не только советская. Раньше писали о том, как идеи меняют мир, говорит А. Генис, теперь Довлатов пишет, как они его не меняют. «И идей нет, и меняться нечему» [17: 24]. А такая безыдейная жизнь деконцептуализирует власть и прежнюю этическую систему.</p> <p>Слушают и осмысливают сказанное учителем. Делают записи в тетрадах.</p>
--	--	--	---	--

		<p>Довлатов. Вот цитата из «Компромисса», герой приходит устраиваться работать в котельную и его знакомят с коллективом: «...публика у нас тут довольно своеобразная. Олежка, например, буддист. Последователь школы “дзен”. Ищет успокоения в монастыре собственного духа... Худ – живописец, левое крыло мирового авангарда. Работает в традициях метафизического синтетизма. Рисует преимущественно тару – ящики, банки, чехлы... Ну, а я – человек простой. Занимаюсь в свободные дни теорией музыки. Кстати, что вы думаете о политональных наложениях у Бриттена?» [30: I: 404].</p> <p>За двенадцать лет в Америке он издал двенадцать книг – то есть сделал то, чего ему не удалось за все прошедшие годы в России. Он описывал эмиграцию в её начальный период, со всеми её трудностями. Его герои часто глубоко разочарованные люди. Ведь жизнь уехавших часто складывалась по схеме «был в России режиссёром, стал в Америке таксистом». Но почти вся его проза всё равно была посвящена России. Это тоже характерная черта эмигрантской словесности. Как пишет Генис, её «составляет диалог со своим прошлым, который автор ведёт из чужого настоящего»[17: 241]. Так написана одна из лучших книг Довлатова «Чемодан».</p> <p>Работа с эпиграфом (чтение статьи учебника): - Книга начинается эпиграфом из А.Блока:</p>	Ф/И	Один из учеников зачитывает
--	--	--	-----	-----------------------------

	<p>Отрывок из док. фильма телеканала «История» - «Жизнь нелегка. Ваш Сергей Довлатов» - 2 минуты.</p>	<p>«...Но и такой, моя Россия, / ты всех краев дороже мне...». Вспомним этот блоковский текст (он есть в учебнике). Продолжите, пожалуйста, чтение статьи учебника после стихотворения. Зачитайте фрагменты, касающиеся эпитафии и заголовка.</p> <p>Просмотр отрывка док. фильма:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Предисловие мы уже слышали в начале урока. Дома вы должны были прочитать последний рассказ цикла «Шоферские перчатки». Прежде, чем приступить к анализу, посмотрим отрывок из ещё одного документального фильма. <p>Беседа:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Как называется жанр, в котором пересказал содержание рассказа Василий Аксёнов? - Да, это анекдот, причем не только в современном смысле слова (короткая история с неожиданной концовкой), но и в пушкинском понимании. Помните, он говорит в «Евгении Онегине», что герой хранил в памяти «дней минувших анекдоты»? Что он имел в виду? - Попробуйте пересказать в форме анекдота другой эпизод рассказа. - Сделайте вывод об особенностях композиции рассказа. - Как оказался Довлатов в костюме Петра I у пивной? В чём фабула рассказа? - Чьим однофамильцем является этот незадачливый режиссёр? 	<p>И</p> <p>Ф</p>	<p>стихотворение. Другой продолжает чтение статьи учебника. Все остальные внимательно слушают и следят по тексту.</p> <p>Смотрят отрывок из док.фильма.</p> <p>Отвечают на вопросы учителя</p> <ul style="list-style-type: none"> - В пушкинском понимании «дней минувших анекдоты» – это примечательные, характерные истории, отражающие какие-то существенные черты известных людей и исторической эпохи. - Вольмар Антон фон Шлиппенбах – генерал-майор шведской армии, участвовал в битве при Полтаве (1709) и попал в плен. - Одним из сюжетов фильма, задуманного журналистом, было обличение пьянства, как порока, присущего советским людям. Шлиппенбах хочет показать
--	---	--	-------------------	---

		<p>- Почему именно эту фамилию даёт герою Довлатов? Как она соотносится с сюжетом рассказа?</p> <p>- Что задумывал снять Шлиппенбах? О каких язвах времени идёт речь? А что из этого получилось?</p> <p>- Перечислите другие абсурдные эпизоды рассказа.</p> <p>- Так о чём же этот рассказ? Сформулируйте тему (<i>человек в абсурдном мире</i>).</p>		<p>антагонизм царя Петра и пьющего народа. Но когда агрессия толпы нарастает, он нешуточно пугается и попадает «в плен» к Петру-Довлатову, который вместе со всеми встаёт в очередь. «Пропили Россию, гады!..», - говорит человек, который в следующую минуту будет вместе со всеми пить пиво.</p> <p>- Абсурд в рассказе: герой ожидает увидеть на Ленфильме фабрику советских грёз, а видит канцелярию; Чипа работает костюмером на Ленфильме со знаменитыми актёрами и режиссёрами, а скучает по зэкам Сивому, Мотылю и Паровозу; костюмированный Пётр I прогуливается вдоль Кунсткамеры и т.д.</p>
Этап 4. Обобщающий этап. Рефлексия. – 10 мин				
<ul style="list-style-type: none"> • Собственная интерпретация литературного произведения; • умение формулировать выводы 		<p>Обобщающий этап:</p> <p>- В «Записных книжках» Довлатов делит авторов на: рассказчиков, прозаиков и писателей. Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик – о том, как должны жить люди. Писатель – о том, ради чего живут люди. К какой категории вы бы отнесли самого Довлатова? Обоснуйте своё решение.</p> <p>- Чьи традиции продолжает Довлатов? На какого классика это похоже?</p>	Ф	Отвечают на вопросы, поставленные учителем

		<p>- Что необходимо знать, чтобы понимать прозу Довлатова? Насколько важен исторический контекст?</p> <p>- Вспомните тему нашего урока: «Личность и эпоха» в романе А. Гениса «Довлатов и окрестности». Какое место занимает это понятие в романе?</p> <p>Рефлексия:</p> <p>- Всё ли понятно?</p> <p>- Остались ли какие-то вопросы?</p>		
Этап 5. Задание на дом – 2 мин				
Умение самостоятельно организовывать собственную деятельность		Напишите небольшую историю в довлатовском стиле, рассказывающую анекдот нашего времени (по желанию).	И	Записывают задание